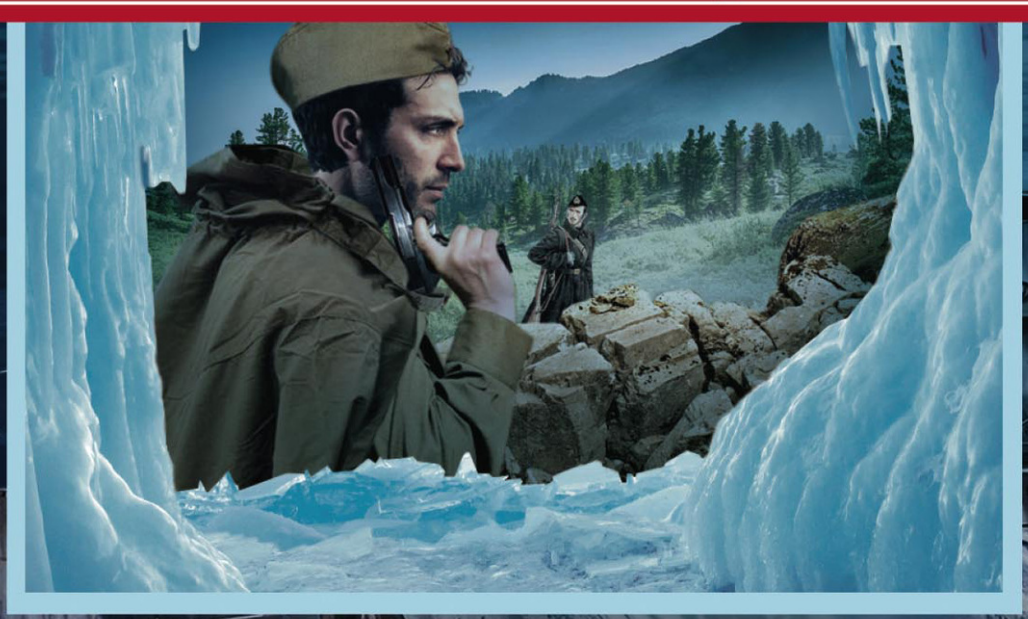
ВЛАДИМИР ПРАСОЛОВ

КЛАССИКА XXI ВЕКА

ЛЕДОВЫЙ МАТЕРИК

ВАНГОЛ-4

РОМАН



ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ВАНГОЛ»

Вангол

Владимир Прасолов

Ледовый материк. Вангол-4

«Центрполиграф»

2018

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44

Прасолов В. Г.

Ледовый материк. Вангол-4 / В. Г. Прасолов — «Центрполиграф», 2018 — (Вангол)

ISBN 978-5-227-08336-4

Книга завершает историю Вангола, человека невероятной судьбы, обладающего удивительными, сверхъестественными способностями. Разведывательная группа «Северный ветер», возглавляемая Ванголом, на подводных лодках достигает берегов Антарктиды. Здесь, в секретных лабораториях Новой Швабии, немцы создают супермощное оружие, с помощью которого Германия надеется покорить весь мир, конструируют летательные аппараты нового типа, культивируют новую совершенную расу. Многочисленные трудности и приключения выпадают на долю разведчиков, прежде чем они ступают на зеленый берег подледной Антарктиды. Пойдя на риск, бойцы отряда Вангола совместно с немецкими инженерами-антифашистами проводят успешную операцию по захвату поселка, где расположен закрытый технический комплекс, ведущий работу над проектом «Хронос». В подледной Антарктиде Вангол встречается со своей женой Ольгой, внедренной ранее в тыл врага. Но минуты личного счастья пролетают быстро – Ванголу, в совершенстве владеющему немецким языком, приходится под видом гауптмана Шварца отправиться на вражеской подводной лодке на Большую землю, чтобы передать командованию полученные разведданные. В этом походе Вангол отдает свою жизнь ради Победы, стремясь предотвратить доставку на фронт нового, обладающего разрушительной силой химического оружия.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44

ISBN 978-5-227-08336-4

© Прасолов В. Г., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Пролог 7
Сибирь, Енисейский район. Кольша 10
Дальний Восток. Вангол 12
Антарктида, Новая Швабия. Кольша 14
Антарктида, Новая Швабия. Ольга 17
Забайкалье. Сырохватов 20
Москва. Сырохватов 25
Антарктида, Новая Швабия. Кольша 28
Побережье Антарктиды. Вангол 31
Москва. Красков 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Владимир Прасолов
Ледовый материк. Вангол – 4

ЭТА ЧЕСТНАЯ И ИСКРЕННЯЯ КНИГА ЗАХВАТЫВАЕТ ТАК, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ОТВЛЕЧЬСЯ. СЕРДЦЕ ЗАМИРАЕТ, И ТЫ ПЛАЧЕШЬ И РАДУЕШЬСЯ ВМЕСТЕ С ЕЕ ГЕРОЯМИ, ПРОНЕСШИМИ С СОБОЙ СКВОЗЬ ТО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ ВЕРУ, ЛЮБОВЬ, ЧЕСТЬ И ПРЕДАННОСТЬ.

Пролог

Северный ветер во все времена года или освежает, или пронизывает холодом до мозга костей. Он вообще не бывает расслабляюще теплым, особенно здесь, в Сибири, крае земли, ничем не прикрытом от великого Ледовитого океана, распахнутом перед всеми его капризами, отдающем ему, как драгоценную дань, серебряные воды тысяч рек. И оттого самоочищающемся и живородящем.

Суровая и чарующая своей первозданной красотой, Сибирь принимает только чистых душой и оставляет их в себе навсегда. Люди, волей или неволей попавшие в эти края, задерживались здесь надолго, а чаще – насовсем, не в силах оторвать себя от энергии чистоты и простора, воли и безмятежного величия мира этой загадочной земли. Так уж случилось в России в последнее столетие – большая часть людей попадала туда не по своей воле. В возрасте двадцати лет этапом политических заключенных попал туда и Иван Голышев. Те двадцать лет, срок наказания, назначенного судом, перечеркнули ему жизнь раз и навсегда. Ту жизнь, в которой он, комсомолец, бригадир, беззаветно веря в торжество идей социализма, ударным трудом выполнял и перевыполнял трудовые нормы, выдавая на-гора десятки тонн черного золота. И в которой вдруг не стало для него места… Случай спас его от верной смерти в тайге во время побега. А может быть, правду говорят, что случайностей не бывает. Может быть, старый охотник Такдыган нашел в тайге замерзавшего беглого зэка по велению Духов тайги. Он вернул его уходившую с этого света душу и дал ему новое имя для новой жизни. То, что он смог расслышать из уст умиравшего, – иВАН ГОЛышев – прошептал тот заиндевевшими губами. Вангол так Ван-гол, согласился старик.

Орочоны, немногочисленный эвенкийский род, в семью которого он попал, выходили его и приняли к себе как сына. Ошана, дочь Такдыгана, отдала ему в жены свою старшую дочь Тингу. Старый охотник Такдыган передал ему свои знания и в святом месте силы посвятил в тайны Духов тайги. Вангол принял новое имя и новую жизнь, он ощутил в себе ранее неведомые ему способности. Он как бы просто вспоминал их…

Шли годы, Вангол набирался сил и радовал Такдыгана своими успехами. Все было хорошо, и ничего не предвещало беды. Но тот жестокий мир уже вторгся в этот, таежный, и от него, даже в этой глухомани, укрыться не удалось. Ванголу пришлось выйти из тайги. Встреча с людьми – научной экспедицией из Иркутска – дала ему возможность воспользоваться документами одного из участников экспедиции Игоря Сергеева. Студент был тяжело ранен и потерял память. Вангол, теперь уже под именем Игоря Сергеева, появляется в Иркутске. По направлению, подготовленному для Сергеева, Вангол едет учиться в Москву в Высшую школу разведки РККА. Война для него началась в спецшколе Разведуправления, куда он попал в числе лучших выпускников разведшколы. В первые же дни войны с Германией, в составе разведгруппы «Ветер», он был заброшен в прифронтовую полосу для борьбы с диверсионными группами противника. Вот там и свела его судьба второй раз со Степаном Макушевым, капитаном НКВД, бывшим начальником того конвоя, из которого он когда-то совершил побег. И с Владимиром Арефьевым, лейтенантом Московского уголовного розыска, родственником Макушева. Там же он выходит на след банды уголовника Остапа, убийцы его жены и человека, завладевшего секретным архивом лагерных сексотов. Информация огромного досье представляла большой интерес как для уголовников и советских оперативников, так и для немецкой разведки.

Преследуя по пятам через всю страну банду Остапа, Вангол и его друзья попадают в Забайкалье, в места непроходимой тайги, болот и марей. Там, на скалистом берегу безвестной реки, в пещере, куда так стремился попасть Остап, чтобы завладеть хранящимся в ней со времен Гражданской войны золотом, происходит развязка. Остап и его подручные убиты. Архив «грешных душ», найденный при Остапе, уничтожен… Вангол и его друзья вышли на стойбище

Ошаны, чтобы сообщить ей о гибели старого Такдыгана. Надо было выбираться из тайги. Шла война, здесь они выполнили свою задачу и понимали – их место там…

Возвращение из тайги оказалось непростым. Помогая раскрыть зловещие замыслы и обезвредить банду рецидивистов, пытавшихся совершить побег из эшелона, Вангол случайно спасает жизнь одному из них. Как оказалось, немецкому ученому, еще до начала войны участвовавшему в секретной экспедиции в нашем Заполярье. Эта экспедиция была организована и проведена, втайне от правительства СССР, немецкими спецслужбами из «Аненербе»: так кратко называлось основанное в Германии в 1935 году «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». С декабря 1941 года общество работало уже полностью под крылом СС. Гюнтер Миттель был немцем российского происхождения. Сведения, полученные от него, были настолько важны, что Вангол, приехав в Москву, через свое руководство добился встречи с Берией. После той беседы, результаты которой произвели на генерального комиссара НКВД сильнейшее впечатление, было организовано сверхсекретное подразделение, получившее название «Северный ветер».

Основной задачей нового подразделения госбезопасности было определено противодействие работе вражеской организации, работавшей под эгидой СС, «Аненербе», в частности борьба с ее агентурой в СССР и в других уголках мира.

Вангол, пользуясь неограниченными полномочиями при формировании своего подразделения, смог собрать в него уже воевавших в это время на фронте под Москвой капитана Макушева и лейтенанта Арефьева. Затем освободил из-под стражи арестованных профессора Пучинского и его жену Нину. По его просьбе был разыскан среди призывников и направлен к нему в подразделение и бывший студент Пучинского Владимир Осокин. Все они составили основное ядро группы «Северный ветер» под руководством опытнейшего разведчика Ивана Ивановича Краскова. Командиром подразделения был назначен получивший внеочередное звание капитана Вангол. Также в группу вошла Ольга, девушка, фотография которой, случайно оказавшись в руках Вангола, неожиданно определила его дальнейшую личную жизнь. Они, втайне от руководства, сыграли свадьбу перед самым началом секретных разведопераций. Группа была направлена на проверку версии, рассказанной Ванголу Гюнтером Миттелем. В тундре удалось обнаружить следы пребывания немцев. Это еще раз доказывало: то, о чем говорил немецкий ученый, имело место в действительности. Ольга в скором времени решением руководства была внедрена в подразделение «Аненербе», занимающееся реализацией проекта «Источник жизни». Пауль Штольц, штандартенфюрер СС, мастерски завербованный Ванголом, практически добровольно стал работать на советскую разведку. Переосмыслив события последних лет, он, достойный представитель немецкого дворянства, теперь понимал всю трагичность пути, на который вывел Германию ее фюрер. Обстоятельства сложились так, что он вместе с Ольгой, уже фрау Штольц, внезапно и тайно был направлен в длительную командировку в Новую Швабию, землю, сокрытую подо льдами Антарктиды. Через какое-то время Ольге чудом удалось передать в центр координаты немецкой базы на побережье континента. Вангол с его группой, потеряв в бою Владимира Осокина, вернулись из тылов противника и были направлены на поиск немецкой разведгруппы, работавшей по заданию «Аненербе» на Кольском полуострове. Этот поиск привел их в лабиринты древних пещер, побывав в которых Вангол в очередной раз убедился, что он совершенно ничего не знает о том, что же такое планета Земля. Там, в глубоких и причудливых лабиринтах, он убедился, что обитателей Земли, причем разумных обитателей Земли, значительно больше, чем он мог себе представить после рассказов Гюнтера Миттеля. Там неведомым образом он получил наказ от давно умершего старого Такдыгана и, уцелев в сложных условиях, вернулся на поверхность земли.

Между тем в глубине енисейской тайги летчиком, сбившимся с курса, случайно была обнаружена староверская деревня, живущая по своему укладу с дореволюционных времен. Это было недопустимо, тем более в условиях войны и мобилизации. Получается, жители деревни –

поголовно дезертиры? А куда смотрело все эти годы партийное и советское руководство?.. Для приведения таежного народа в соответствие с действительностью туда был направлен отряд НКВД под командованием бывшего начальника одного из лагерей старшего лейтенанта НКВД Сырохватова. Он выполнил свою задачу. Деревни не стало. Один из мальчишек, Кольша, случайно уцелел. Ему удалось скрыться с беглым зэком по кличке Пловец, бывшим разведчиком Сергеем Лемешевым, и они добрались до фронта. Лемешев погиб, подорвав себя и фашистов в одном из домов осажденного Сталинграда. Кольша попал в плен. Вместе с группой детей, пройдя отбор, он, как носитель признаков арийской расы, был отправлен на воспитание в особый приют, в Новую Швабию.

Сырохватов, занимаясь поисками беглых зэка и дезертиров, наткнулся в забайкальской тайге на стойбище Ошаны и вышел на Игоря Сергеева, который уже несколько лет там жил, смирившись после выздоровления со своей участью. Молодая жена помогла ему обрести счастье в этом новом для него мире. Для Сырохватова и его людей он был преступником – то ли беглый зэк, то ли дезертир. Сергеев при задержании был убит, а его дневник с записями о Ванголе попал к Сырохватову, который почуял, что напал на след шпиона, проникшего в ряды НКВД…

Агентурные данные советской разведки неопровержимо свидетельствовали о том, что Германия ведет разработку какого-то очень опасного оружия. Это супероружие могло изменить весь ход войны, что очень беспокоило советское командование. Но где ведутся эти работы, оставалось тайной. Получив от Ольги координаты немецкой базы в Антарктиде, сопоставив множество данных развединформации, руководство советской разведки приняло решение о направлении в эту точку разведывательно-диверсионного подразделения. Естественно, выбор пал на группу «Северный ветер» под командованием Вангола. Тем более что Краскову было известно о том, что Ольга стала женой Вангола. Это, по его мнению, было очень хорошей мотивацией для успеха группы. Группе была поставлена задача – найти секретную базу немцев на ледовом континенте, понять ее назначение и, если это связано с созданием оружия, уничтожить любой ценой.

…Северный ветер поземкой заносит едва видные следы былого, навсегда хороня их в прошлом, очищая пространства для будущего, стремительно летящего вперед, неизвестного и манящего…

Сибирь, Енисейский район. Кольша

Целый день по разбитому машинами и размытому ливнями Енисейскому тракту пробивалась полуторка. В кузове, среди нескольких десятков мешков с крупой и ящиков с консервами, удобно устроился молодой парень. Он с интересом смотрел на проплывающие мимо таежные сопки, любовался на бродах чистыми ручьями в березовых хороводах. Одет просто – в застиранную до белизны солдатскую гимнастерку, галифе и начищенные до блеска хромовые сапоги. Небольшой холщовый мешок под головой и походный котелок – все его имущество. Не сильно разжился на войне парень. Зато его голубые глаза светились от счастья.

«Ясно дело – домой солдат возвращается», – думал водитель, поглядывая на пассажира на остановках-привалах.

«Видно, шибко парню досталось», – думала ехавшая в кабине с шофером пожилая женщина, заметив, что голова-то у него совсем белая от седины.

– Ты чей будешь? – спросила она его на остановке.

Парень посмотрел на нее озорно и весело, выпил ключевой водицы из большого жестяного ковша и, улыбнувшись, ответил:

– Ничейный, сам по себе.

– А куда ж едешь?

– А где приглянется, там и останусь, мне все эти места родные.

На горке, перед деревней Каргино, он постучал по кабине:

– Остановите, спасибо, дальше я пехом…

Накинув на плечо мешок, он, подождав, когда уляжется пыль от ушедшей по спуску машины, легко зашагал к деревне. Крайний справа, стоящий чуть в стороне от дороги, дом был цел и невредим. Большая ветвистая береза в обнимку с высоченной пихтой чуть шевелили ветвями под легким ветерком. Из будки, стоящей в тени их крон, с неохотой вылез здоровенный пес. Кого это несет с той стороны? Он принюхался, но путник шел против ветра, и запаха пес не учуял. Пару раз гавкнув, предупредив хозяев, он встал, склонив морду к земле, и ждал приближения чужого. Сейчас, только поближе подойдет, он устроит незнакомцу трепку. Если, конечно, цепь позволит…

Путник смело приближался, легко шагая по обочине. Пес всматривался в него, и что-то неуловимо знакомое вдруг увиделось ему в облике этого человека. Он залаял и рванулся к нему, но цепь остановила, заставив подняться на задние лапы.

– Арчи! – крикнул путник и подбежал к собаке, которая дрожала всем телом и то ли скулила, то ли плакала, прижимаясь и мордой, и телом к своему другу и хозяину, которого так долго ждала. – Арчи, дорогая моя псина! Дождался, молодец, узнал меня, кожаный нос! – смеялся от радости Кольша. – Все, все, успокойся, сейчас я тебя заберу.

Кольша стал отстегивать карабин с ошейника собаки и в это время услышал за спиной окрик.

– Эй, ты чего эн-то? А ну, отойдь от собаки! Арчи, а ты чё, совсем нюх потерял? – Молодая стройная девушка, с коромыслом в руках, явно воинственно настроенная, направлялась к ним.

– Здравствуйте, хозяйка! – поздоровался Кольша. – Я вот вернулся, собаку свою забрать хочу…

– С чего это наш Арчи твоя собака? Не тронь!

– Варвара, а ну, стой! – раздался голос старика, вышедшего из избы.

– Батя, чего он к нашему Арчи?..

– Здравствуйте, Афанасий Михеич, – поздоровался, чуть поклонившись, Кольша.

– Никак Кольша, ты, что ли? – не смог сдержать изумления хозяин дома.

– Я.

– Да, точно, вырос, совсем уже мужик, я ужо и не ждал тебя. Иди, Варвара, накрывай на стол что Бог послал, ужинать будем.

Варвара, зыркнув пронзительным взглядом на Кольшу, развернулась и быстро убежала в дом.

– От характер! Вся в мамку свою, кержачку, огонь девка… Ты проходи в горницу, проходи. Где ж тебя столько лет носило, Кольша? Уж война три года как кончилась. Садись угощайся. – Старик придвинул гостю нехитрую закуску. – Где спутник твой, как его… запамятовал? – спросил Михеич, когда Кольша выпил целую кружку парного молока.

– Лемешев его фамилия была. Наверное, погиб он в Сталинграде. Меня спас, а сам погиб. Тяжело там было, отец…

– Вижу, что нелегко. – Михеич по-отцовски взъерошил волосы на Кольшиной белой голове. – Сейчас Варька картохи пожарит, покушаем, отдохнешь, расскажешь, куда путь держишь, посиди покамест, – распорядился Михеич и вышел.

Кольша, устроившись на лавке за столом, пригрел вскочившего к нему на колени здоровенного рыжего кота и как-то незаметно задремал.

Варвара зашла в горницу, увидела заснувшего Кольшу и долго рассматривала его лицо, сильные кисти рук в шрамах и твердых, как камень, мозолях. Звякнувшая дверь отвлекла ее, и она, вдруг зардевшись румянцем, кинулась в кухню, где на печи уже вкусно шкварчала сковорода с картохой и салом.

– Кольша, да ты прилег бы, вона же мое лежбище, – улыбнулся Михеич очнувшемуся от мимолетного сна парню. – Держи, это твое теперь, – положил он перед Кольшей тяжелый кошель.

– Это что, то золото?

– Да, то самое, все до щепотки целехонько. Я ж тогда его Афоне, слепому, за его бумаги оставил. А когда документы по почте пришли, он и принес мне его. Сказал, не за что ему платить. Я и спрятал до поры. Теперь пора и пришла, ты вернулся. Обживаться будешь, оно и сгодится, небось и товарищ твой не в обиде будет. – Михеич перекрестился двумя перстами. – Сейчас в скупке за песок энтот только и можно что купить хорошее.

– Спасибо, Михеич, спасибо! – поблагодарил Кольша. Он взял кошель, взвесил его на руке и положил на стол. – Эта боевая девица дочка твоя, Михеич?

– Да, приемная. Варька брата моего двоюродного дочка. В войну его убило, а мамка ее померла с горя. Вот пять лет живет у меня. А что, красива девка? – улыбнулся старик.

– Вот ей на приданое и отдашь этот кошель. Не надо мне, правда. Я ж в тайгу пойду, в родные места, деревню свою восстанавливать буду. Там мне оно незачем. Вот Арчи заберу, Михеич, мне без него никак в тайге, сам понимаешь.

– Хорошо, Кольша, будь по-твоему. Варвара, где картоха?

– Батя, сейчас, огурчики только порежу.

– Не режь, так давай, да груздочков тоже принесть не забудь.

– Хорошо, несу уже.

Когда Варвара вышла, Кольша увидел совсем другую девушку. Из-под белого платка, скрывавшего ее голову, на него смотрели бездонной глубины синие глаза. Иконописный овал лица будто светился. Кольша аж запнулся на полуслове…

Ранним утром Кольша, ведя на коротком поводке Арчи, ушел к Енисею. Там его ждала лодка Михеича и дальний путь. Обернувшись на пригорке, он заметил, как метнулась за плетень девичья фигурка.

«Хорошая она, – подумал Кольша. – Через год вернусь, сосватаю».

Дальний Восток. Вангол

Последняя связь Вангола с Красковым по телефону состоялась глубокой ночью, перед самым выходом лодок в поход. Красков сказал, что информация о секретной базе немцев в установленном месте косвенно подтверждена еще из нескольких источников. Более того, подтверждается, что именно там, в так называемой Новой Швабии, ведутся основные технологические разработки немецкого сверхоружия. Командование приказывает выполнить задачу, поставленную группе, любой ценой. Найти и уничтожить. Особое внимание – проекту «Хронос». Объективных данных нет, ясно только, что какое-то сверхсекретное оружие, способное дать огромное техническое и боевое превосходство врагу. Гитлер не жалеет ни средств, ни людей на реализацию проекта. Все держится в непроницаемой тайне. Очень важно, чтобы новейшее оружие не появилось на вооружении у немцев. Ни при каких обстоятельствах. При этом нельзя допустить ни малейшей утечки информации об операции. Время и так упущено, преимущество на стороне врага, поэтому начинать действовать придется незамедлительно. Еще в Москве Красков дал понять Ванголу, что убедить Берию в необходимости рискованной операции стоило большого труда. Генеральный комиссар НКВД несколько раз просматривал его отчеты и план, дал добро, и теперь от результата их действий зависит очень многое. Лаврентий Павлович умел спрашивать о проделанной работе…

Вся группа «Северный ветер» уходила в море на лодке Лузгина, за исключением Макушева. Тот шел во второй, «грузовой» лодке, командиром которой был назначен старший лейтенант Николай Аксенов. Он был из одного учебного отряда с Лузгиным, и они хорошо знали друг друга. Лодку Аксенова несколько «усовершенствовали», добавив емкости для топлива в легком корпусе. Экипаж второй лодки был сокращен до минимума, и Макушев, еще в том походе освоивший специальность торпедиста, практически один находился на вахте в первом торпедном отсеке корабля. Лодки были разных проектов, но практически не отличались по скоростным характеристикам, поэтому было решено разбить весь маршрут на участки и, двигаясь скрытно в подводном положении, не выходя на связь, встречаться в определенных квадратах океана для дозаправки и обмена информацией. В экстренных случаях предусматривался аварийный канал связи в определенное время суток, как правило ночью, во время подзарядки аккумуляторных батарей. Использовать связь в иных случаях категорически запрещалось.

Тихий океан требовал полной тишины в эфире. Он был переполнен японскими авианосцами и военными кораблями, постепенно и неумолимо захватывающими все побережье Азиатского материка. Английские и австралийские колониальные войска терпели сокрушительные поражения и сдавали островные государства одно за другим. Япония была союзником Германии и явным врагом Советского Союза. Мест для захода в порт или пополнения топлива с борта судна практически не существовало. Дизтопливом было заполнено все, что можно было заполнить, сохраняя положительную плавучесть лодок. По расчетам специалистов, топлива должно было хватить. В одну сторону точно.

А вот назад…

В этот поход уходили люди, зная о том, что дороги назад практически нет. Отправленный на две недели раньше в район Новой Гвинеи пароход с запасом топлива, по непроверенным данным, был потоплен или заблокирован в одном из портов островного государства. Надежда была на захват топлива у противника, что было очень сложно. После короткого совещания на эту тему было принято решение о том, что выходить надо немедленно, выполнение задачи любой ценой предполагает невозврат кораблей. Вангол с командирами лодок полагал: есть немецкая база, значит, есть и дизтопливо. Взять его у фрицев – вопрос решаемый на месте, потому – вперед.

Ночью лодки отошли от причала базы без огней и растворились в тумане. Вангол сидел в центральном отсеке и слушал, как спокойно и уверенно Лузгин командует экипажем. Корабль после погружения на двадцать метров лег на курс, и потекла привычная жизнь экипажа подводной лодки с вахтами, проверками работы оборудования, осмотрами…

– Отсек осмотрен, замечаний нет, – зазвучало каждый час в центральном из остальных отсеков корабля.

– Сергей, я подменю гидроакустика, не возражаешь?

– Буду рад, не забыл еще?

– Что ты, очень интересно.

Ванголу действительно было очень интересно наблюдать за подводным миром, частью которого они становились. Именно наблюдать, поскольку он не только слышал, а почти видел то, что улавливал акустический прибор. Чем больше Вангол тренировал свой слух, свою восприимчивость в наушниках, тем четче и яснее видел то, что слышали его уши. Как-то он рассказал об этом командиру лодки Лузгину. Они еще в прошлом походе подружились и теперь запросто общались и по службе и вне службы.

– Вообще на лодках любят шутить, Вангол, но ты не из флотских… То, что ты сказал, правда?

– Да, Сергей, я вижу довольно отчетливо предмет или образование, от которого идет сигнал радара. Рыба это крупная или косяк, судно или затонувшая ржавая баржа на дне. Вообще очень много всего.

– Я верю, Вангол. Это же очень хорошо! Необычно, но, вероятно, такое бывает, раз так оно есть. Да и вообще, у меня один товарищ по училищу, представляешь, Вангол, сквозь стены мог видеть. Никто не верил, а он точно мог. Я сам проверил. Я как-то в казарме дежурным заступил, а он дневальным был. Так вот, в Ленинской комнате бюст Сталина перед знаменем стоял, на тумбе. Я сходил туда и перенес бюст на подоконник, ну чтобы на свету протереть от пыли, а когда за тряпкой пошел, к нему, дневальному, подхожу и спрашиваю:

– Коля, а что вот сейчас в Ленкомнате изменилось? Тот лоб наморщил, затылок почесал и говорит:

– Вы бы, товарищ старшина, на место товарища Сталина вернули, а то он сейчас на плац смотрит, а там наши маршируют, как бы чего не вышло…

Вангол улыбнулся:

– Да, случается и такое.

– Вот и я про это. А то, что у нас на корабле теперь такие «глаза» есть, это же здорово!

Первое всплытие для встречи с лодкой Аксенова было не совсем удачным, сильный шторм не позволил лодкам сблизиться. Обменявшись сигналами о том, что все в порядке, ушли на глубину и продолжили поход.

В конце марта сорок третьего года лодки приблизились к ледовому материку.

Антарктида, Новая Швабия. Кольша

Через три месяца пребывания в приюте Кольшу и еще несколько крепких мальчишек перевезли в другое спецподразделение, которое располагалось на берегу полноводной и быстрой реки. Им объяснили, что подростки отобраны для элитного обучения по специальной программе. Они станут в будущем водителями легковых автомобилей, личными поварами, садовниками и другими специалистами, которые затем попадут на работу непосредственно в семьи истинных арийцев. Это для них большая честь и ответственность, утверждали воспитатели.

Жизнь Кольши несколько изменилась. Кормить стали лучше. Отношение воспитателей стало иным, поскольку те уже знали – из этих детей надо вырастить элитных слуг. Кольша обратил внимание на высокую красивую женщину, у нее еще глаза разного цвета. Она часто приходила и беседовала с подростками индивидуально. С ним она еще не встречалась. Она была, наверное, преподавателем и подбирала себе учеников. Почему-то Кольше хотелось, чтобы он попал к ней… Кольша слышал, что большая часть привезенных детей попадает в рабочие группы, где их обучают хорошо работать. Другие попадают в спецлаборатории, откуда никто не возвращался. Ему повезло, он попал сюда, в «элитку», но он сам решит, сколько ему здесь быть.

Кольша просыпался раньше подъема и спешил в умывальник, это не считалось нарушением режима, а наоборот, даже поощрялось воспитателями. Он быстро умывался, чистил зубы и бежал к гимнастической стенке, где с удовольствием занимался упражнениями на турнике и брусьях. Это действительно ему нравилось. Когда звучал подъем, он спокойно, без спешки, заправлял свою кровать и выходил на общую физзарядку. После завтрака начинались занятия. Немецкий язык и история рейха были основными предметами в его группе. После обеда целый час можно было заниматься своими делами: почистить одежду и обувь, постирать, почитать книги на немецком языке, если уже мог. Кольша за время усиленного обучения сумел усвоить язык настолько, что уже неплохо говорил и читал на немецком. И главное, благодаря этому он понимал, о чем между собой говорят воспитатели и учителя. Это давало ему возможность с каждым днем все больше узнавать о том, где он находится. Для чего и зачем – им вдалбливали каждый день.

Теперь он уже знал, что Новая Швабия – земля, открытая немецкими моряками-подводниками, она скрыта покровом антарктических льдов. Как бы это ни звучало фантастически, особенно для взрослых людей, детским умом воспринималось легко. Раз есть земля, какая разница где, подо льдами или нет… Тем более что этих льдов никто не видел. Поэтому Кольша сомневался, что это правда. Он думал, завезли куда подальше, а чтобы бежать неповадно было, придумали про Антарктиду. В том, что это действительно ледовый материк, Кольша убедился окончательно, когда их повезли на полевые работы.

В один из дней им объявили, что они уже достаточно взрослые и должны трудиться, для того чтобы знать, как добывается пища, которой их кормят. Всем выдали рабочую форму, достаточно удобные комбинезоны и свитера, и впервые вывезли из комплекса помещений, в которых они жили и учились. Ничего особенно необычного Кольша не увидел. Туманное небо над головой, берег не очень широкой, по его сибирским меркам, реки и поля, бескрайне уходящие вдаль. Вот таких полей Кольше видеть не приходилось. Где-то на горизонте виднелись горы, покрытые лесом. Сердце Кольши сжалось, тайга, его родная тайга виднелась вдали. Вот куда ему нужно…

Единственное, что говорило о том, что попал он в необычное место на земле, – это то, что в небе не было даже намека на солнце. Свет распространялся как-то равномерно со всего небосвода. Ни рассвета, ни заката – светло круглые сутки, в ночное время просто опускались сумерки. Иногда туман становился настолько прозрачным, что было видно какое-то свечение,

очень похожее на полярное сияние, но более мощное. Оно, казалось, перекатывалось волнами где-то в небесной выси.

«Не врут немцы, нету тута солнышка… Но земля плодородная. Но чужая, ненужная мне. Все одно уйду…» – думал Кольша.

Группу распределили по участкам для прополки свеклы, и несколько часов подростки добросовестно очищали гряды от сорняка. Работа была нетяжелой, но однообразной и нескончаемой, отчего Кольше стало не по себе. Но он отогнал уныние и устроил соревнование по скоростной прополке. Ему хотелось уйти как можно дальше по борозде, оказаться как можно ближе к далекому, манящему его лесному массиву. Их никто не охранял, воспитатели также трудились, приглядывая за подопечными, показывая, как правильно работать маленькой тяпкой, чтобы не повредить свеклу. Кольша заметил, что поля засажены разными овощами, причем на некоторых полях уже шел сбор урожая, а где-то только еще сажали что-то. Он спросил об этом у воспитателя. Тот ответил, что эта благостная земля, подаренная богами арийской расе, дает три урожая в год.

– Здесь не бывает зимы?

– Нет, зимы здесь не бывает. Здесь всегда лето, только оно разное, все зависит от плотности тумана. Влажность воздуха этой экосистемы – определяющий фактор жизни… Впрочем, ты что-нибудь понял, восемьсот десятый?

Кольша отрицательно покрутил головой и пошел работать.

Все воспитанники не имели имен, на руках у запястья им поставили номера. Накололи татуировки. Свастика и номер. Это было больно. Кольша имел номер восемьсот десять. Имена им должны будут присвоить по желанию их будущих хозяев, полубогов, тогда, когда они пройдут весь курс обучения и сдадут экзамен. Кольша все понимал и знал – он никогда не станет чьим-то рабом. Он помнил своих родных, свою деревню, своего Бога… Теперь, когда он увидел вдали лес, он стал готовиться к побегу. На работу в поля вывозили четыре раза в неделю. Иногда увозили на грузовых машинах далеко от их комплекса, в сады, где они собирали урожаи фруктов. В основном яблоки и сливы. Это было лучше, чем прополка, им разрешали сначала немного съесть, а уж потом собирать плоды. Кольша понял, что убежать можно. Но куда бежать? Как выбраться из этого арийского «рая»?..

В один из дней их привезли с опозданием и долго держали в машине. Из разговоров водителя с одним из воспитателей Кольша понял, что кто-то из воспитанников бежал с работ и за ним послана погоня. Через некоторое время их высадили из грузовика и построили. Не только их группу. Несколько десятков групп построили квадратом. В середину квадрата внесли тело подростка, изорванного насмерть овчарками. Они, собаки, были тут же, надрывно лая на воспитанников, вырываясь из рук своих проводников.

– Вы все видите, что случилось с номером триста двадцать три. Он пытался бежать. Это бессмысленно. Во-первых, бежать отсюда некуда. Во-вторых, спрятаться от наших собак невозможно. – Говоривший в военной форме расхаживал перед строем. – В-третьих, мы не хотим здесь никого держать насильно. Если вы не приняли тот дар, которым вас наградил наш фюрер, подарив вам возможность стать элитными слугами господ всего человечества, то вам достаточно об этом заявить – и вас переведут в другое подразделение. Например, в экспериментально-медицинское, где вы принесете максимальную пользу рейху, а затем уйдете в мир иной. Желающие есть?

Строй замер в молчании. Все знали, что такое «экспериментально-медицинское». Блок подразделения был расположен неподалеку, оттуда иногда были слышны душераздирающие крики детей. Все, что оставалось от подопытных, сжигали и использовали на этих полях как удобрение. Строй молчал. Страх сковывал детские сердца…

– Желающих нет. Значит, все все поняли? Так?

– Так точно, – хором ответили воспитанники.

– Хайль Гитлер! – вытянув руку в приветствии, прокричал эсэсовец.

– Зиг хайль! – заученно ответил строй, вскинув выше плеча вправо руки.

Кольша не знал, что такое Антарктида и где она находится… Даже не представлял себе, как невообразимо далеко и недоступна для него его родная деревня. Может быть, потому, несмотря ни на что, и не терял своей решимости. Его не напугаешь. Видел бы этот эсэс, как он в Сталинграде из винтовки по их хваленым арийцам лупил. А от собак он уйдет, он знает как… Кольша вспомнил своего Арчи. «Как он там? Ждет, наверно, я ж обещал вернуться. Конечно ждет… Ничего, я вернусь…»

Антарктида, Новая Швабия. Ольга

О трагических для немецкой армии событиях под Сталинградом в Новой Швабии, конечно, никто не знал. Никто, кроме радиста одной из транспортных подводных лодок. Он был прирожденный коротковолновик и успел зацепить во время выхода передачу американского коллеги, в которой тот рассказал о крахе немецких армий в России, Сталинградском котле и сдавшемся фельдмаршале Паулюсе. Радист Отто Готлиб об этом никому говорить не стал. Понимал, что такая информация может обернуться для него большими неприятностями. Однако весть о крахе под Сталинградом каким-то неведомым образом все же просочилась сквозь толщу льдов и запреты спецслужб, и весной сорок третьего года об этом знали все. Знали, но открыто не обсуждали. Старательно поддерживаемый здесь миф о непобедимости немецкой армии дал серьезную трещину. Если там, в Германии, фюрер и его команда предприняли колоссальные усилия для того, чтобы поднять боевой дух армии и народа, то о том, что может произойти здесь, там вообще не подумали. Потому что в Антарктиде никто не должен был узнать о поражениях на Восточном фронте. Тем более что официальная информация, поступившая из Берлина, говорила о том, что Сталинград захвачен и Москва отрезана от кавказской нефти. Дни Советской страны сочтены. О том, что в Северной Африке был полностью разгромлен Роммель и более двухсот пятидесяти тысяч немецких солдат и офицеров сдались в плен, умалчивалось. Сообщения из столицы Третьего рейха о положении на фронтах были «приукрашенными, а точнее – лживыми»…

Это была очевидная ложь, и от осознания этого было не по себе всем – и военному руководству новой земли, и ее рядовым первожителям. Хотя руководители «Аненербе», высшие офицеры СС, находившиеся здесь, и старались не показывать, что знали правду, у них это уже плохо получалось. Здесь, в тысячах километров от Германии, подо льдами великого континента, уже царил несколько иной мир. Это начинали понимать.

Что будет, если прервется связь с родиной? Если вдруг фюрер проиграет войну? Что будет с Германией? Что, если там погибнут близкие? Эти вопросы стали приходить в голову людей, оторванных от мира, и на них не находилось ответов. В душах первожителей новой земли воцарялось смятение, ответы на мучительные вопросы пытались искать на дне пивных кружек. Традиции пивного братства немцы перенесли и на эту землю, благо плантации хмеля здесь приносили по три урожая в год, и качество его восхищало мастеров пивоваренного дела. Однако повальное пьянство, в которое втягивалось все большее количество людей, начинало беспокоить руководство Новой Швабии. Причины были ясны: неуверенность в завтрашнем дне, тоска по родным, невозможность создать семью, ведь женщин катастрофически не хватало. Огромные спортивные комплексы с бассейнами и теннисными кортами, футбольные поля и волейбольные площадки постепенно пустели, зато публичые дома работали круглосуточно и не справлялись с желающими утолить сексуальный голод… Эмиссары Геббельса и спецагенты СС, отвечавшие за моральное состояние и боевой дух, прибывшие сюда одновременно с первопоселенцами, уже сами поднимали себе настроение по вечерам в барах тройными дозами отменного коньяка, запасы которого пополнялись с приходом каждого транспортника из оккупированной Франции. Получая от своего руководства явную дезинформацию о положении на фронтах, они отвечали точно такой же дезой о состоянии боевого духа в Новой Швабии.

В середине лета сорок третьего года негласно, с молчаливого согласия руководства, немецкие инженеры установили сверхчувствительные антенны и включили на прием коротковолновую аппаратуру такого уровня, о котором никто на земле еще и не подозревал. Даже в Берлине.

Новая Швабия уже не была отрезана от мира. Она слушала информационные агентства всех стран.

Штольц и его жена к тому времени благодаря «правильному» общению вошли в довольно узкий круг элиты и заняли в нем достойное положение. К их мнению прислушивались, а в отношении некоторых вопросов Штольц постепенно стал тем человеком, мнение которого ценили очень высоко.

Гитлерсбург, столица Новой Швабии, в одном из привилегированных районов которого супружеская пара Штольц вскоре получила хорошее жилье, очень быстро разрастался. В основном за счет строительства жилых кварталов для рабочих и, конечно, элитной застройки побережья. Строились поместья для высшей элиты рейха, проекты разрабатывались лучшими архитекторами и согласовывались с будущими хозяевами в Берлине, а затем воплощались здесь, вблизи уютных заливов, руками лучших мастеров.

Особое место в Новой Швабии занимала энергетика. Использование угля или иных видов горючего топлива для получения электроэнергии здесь было невозможно. В первую очередь были возведены несколько небольших по мощности каскадных гидростанций на горной реке, а затем заработали ядерные реакторы первой атомной станции.

Научные центры жили своей обособленной жизнью. Ученые, обеспеченные полностью всем необходимым для жизни и исследовательской деятельности, совершали мощные прорывы в технологиях. Многое, о чем слышали Пауль и Ольга, было настолько фантастичным, что невольно ввергало их в сомнение. К примеру, создание искусственного интеллекта или выращивание органов человеческого тела для последующей имплантации. Проверить было практически невозможно. Все научные центры строго охранялись, и их расположение заранее предопределяло их труднодоступность и невозможность наблюдения со стороны. Только из разговоров подвыпивших людей из младшего персонала удавалось приблизительно определять, чем они занимаются в своих засекреченных лабораториях и цехах. Этого было мало, но ничего другого не было и вовсе, как и связи с центром.

Штольц должен был выполнить свою конкретную задачу – реализовать здесь, на этой новой земле, программу «Источник жизни». Она была многоэтапной, имела ряд направлений и предполагала длительную селекционную работу. Подобрать мужчину и женщину так, чтобы их потомство унаследовало бы лучшие признаки арийской расы, оказалось делом очень сложным. Где-то в душе Пауль понимал, что он занимается проектом, не имеющим перспективы, но ему было интересно, а вдруг из этого что-то все-таки получится. Он не видел в своей работе особого вреда для человечества, и это его несколько успокаивало.

Немецкие женщины добровольно шли на эксперименты, зачиная детей от избранных Штольцем соотечественников. Становились матерями и воспитывали рожденных в мечтах о великих ариях до трех лет, а потом этим должны были заниматься уже наставники в детских воспитательных учреждениях. Все, казалось, должно было быть хорошо. Но результаты этих экспериментов иногда вводили Штольца в полный ступор. От двух абсолютно светловолосых людей почему-то рождались дети с темными волосами, и объяснить это он не мог. Цвет глаз тоже не всегда соответствовал норме. Более того, были случаи рождения детей с признаками другой расы в цвете кожи. Почему это происходило, было для него неразрешимой загадкой. Он не знал о более тонких энергетических структурах организма, о том, что не только физическое оплодотворение определяет качественные характеристики будущей личности. Он был верующим человеком, но понятие души для него, как для многих людей, было понятием абстрактным, не имеющим ничего общего с наукой. Он и предположить не мог, насколько все структурировано в строгом соответствии законам материального и духовного миров, взаимодополняющих друг друга, взаимосвязывающих и дающих саму жизнь. Как бы мы ни пытались соединить химические элементы, заполняющие этот мир, без необъяснимого наукой духовного начала жизнь не зародится. Создать новый вид живых существ невозможно. Штольц пытался как бы очистить арийскую расу от примеси других рас, не понимая того, что сама идея была

просто утопией. То, что происходило с человечеством в течение тысячелетий кровесмешения, сделало этот процесс необратимым. Однако он методично «выполнял» требования самого фюрера – создать высшую расу господ, теперь уже прекрасно понимая глупость и никчемность этой идеи.

Утвержденные в «Аненербе» программы по созданию новой расы (имелось в виду воспитание нордического характера и силы воли у будущих наци) не совсем соответствовали реалиям. Требовались корректировки, согласовать которые на таком расстоянии от Берлина было практически невозможно. Поэтому Пауль, пользуясь своим положением и связями, стал вносить изменения самостоятельно, мотивируя свои решения в рапортах, которые, как положено, передавались дальше по службе. Когда они уйдут в центр и что там с ними произойдет, было уже не важно. Важно было то, что Пауль своим решением отменил физические наказания для детей. Постепенно он добился того, чтобы медицинские эксперименты на детях были прекращены. Ольгу он наделил полномочиями инспектора по контролю за содержанием подростков во всех подразделениях в Новой Швабии. Она получила возможность свободно передвигаться, инспектируя учебные заведения всех направлений обучения. Ольга много разговаривала с воспитателями, преподавателями и детьми. Постепенно Паулю становилось ясно, что надо делать в том или ином центре для максимального спасения детей от пагубного воздействия идей нацизма. Делать осторожно, но эффективно. В первую очередь – найти способы постепенно убрать из рядов воспитателей садистов и фанатов национал-социализма. Штольц находил такие способы. Ротация кадров с целью обмена опытом – его идея. В результате такой ротации многие опасные люди были удалены от детей. Это было очень важно.

Ольга почувствовала нужность своей миссии. Она с головой ушла в работу и постоянно была в разъездах. В одной из элитных школ она заметила рослого мальчишку. Как и все, он был подстрижен очень коротко, почти налысо, его голова, слегка покрытая подрастающими густыми волосами, была седая. Не светлая, а именно седая. Его внимательный взгляд был не по-детски строг. Она решила поговорить с ним в следующий приезд.

А пока истребовала его личное досье. То, что она прочла в нем, ввергло ее в панику. Мальчик под номером восемьсот десять был русским, вывезен из окрестностей Сталинграда летом сорок второго года. Никаких документов и сведений о его прошлом не было, зато будущее ему было уготовано страшное. Через две недели он должен был быть подвергнут кастрации для перевода в подразделение евнухов. Кто принял такое решение, из документов видно не было, но отменить его просто так было невозможно. Эсэсовской элите рейха нужны были евнухи, отбор в эти подразделения происходил под личным контролем Гиммлера. Из этих людей он предполагал готовить особую касту личных охранников. Отменить это распоряжение самостоятельно Штольц не мог. Что-либо предпринять через Берлин было невозможно.

Ольга собиралась на встречу с этим мальчишкой, еще не представляя, как ему помочь.

Забайкалье. Сырохватов

Старший лейтенант Сырохватов в который уже раз перелистывал дневник убитого его людьми Игоря Сергеева. Все в нем указывало на то, что документами Сергеева воспользовался некто Вангол, в чем Сырохватов был уже абсолютно убежден. Он подчеркнул красным карандашом строки, прямо или косвенно подтверждающие его догадку. Их было не так уж и много, но вполне достаточно для определенных выводов.

Его интересовало теперь другое – почему Сергеев, очнувшись от болезненного состояния, не вышел из тайги. Не вышел к своим, советским людям, хотя бы для того, чтобы рассказать о случившемся с ним. Заявить в органы о том, что его документы похищены, восстановить справедливость. Тем самым он бы снял с себя ответственность за все последующие события. А так получается, что он как бы скрыл то, что его документами воспользовался враг. Он сам пишет, что понял – ему здесь хорошо и уходить из тайги никуда не хочется. «Здешний мир стал мне родным» – этой дневниковой фразой Сергеев, в глазах Сырохватова, показал, что стал предателем и изменником Родины.

«Туда ему и дорога, – думал Сырохватов. – Взяли бы живым – все равно к стенке как дезертира поставили бы. Но что это за Вангол? Судя по имени, азиат какой-то. А по записям в дневнике – русский. По крайней мере, Сергеев пишет, что говорил он по-русски хорошо. Но имя-то нерусское, скорее всего, ненастоящее… Оперативный псевдоним вражеского разведчика, не иначе…» За размышлениями Сырохватов не заметил, как стрелки часов ушли далеко за полночь.

Завтра на службу. С утра он собрался прийти на прием к начальнику Читинского УНКГБ майору ГБ Портных. Он понимал, что добраться до Москвы без ведома руководства невозможно, поэтому принял решение доложить о своих выводах лично ему. Этого человека он знал с довоенных времен как опытного чекиста, под его началом служил еще в тридцать девятом году, непростое тогда было время даже для них.

Попав на стажировку в районное НКВД в Дебальцево под Донецком, он сумел показать себя так, что Портных заметил в нем отменное оперативное чутье и мертвую хватку. Он сумел быстро, по горячим следам, разоблачить и привлечь к ответственности группу врагов народа, совершавших в течение нескольких лет вредительские действия на железнодорожной станции. Он заставил их говорить, припер к стенке неопровержимыми уликами, в конце концов поставил их к стенке. Еще тогда он понял, что люди слабы настолько, что умеючи можно добиться от них признания в том, о чем они и не помышляли. Достаточно выяснить, чем человек дорожит более всего. Найти его слабое место. А оно есть у всех. Дети, жены, родители, честное имя. Многие не выдерживали чисто физически, это действительно мучительно: несколько суток без сна, непрерывные допросы с пристрастием. Ответ «нет» – по почкам, молчанка – еще по почкам. Некоторые так боялись потерять мужское достоинство, что после первого удара в пах теряли человеческое достоинство – подписывали все, что нужно было, что требовалось. И тонули сами, и тянули за собой других. Не помогали партбилеты с дореволюционным стажем. Прошлые заслуги не принимались во внимание – враг должен быть уличен и уничтожен карающей рукой трудового народа. Портных видел тогда, как Сырохватов своей активной работой, конечно под его умелым руководством, проложил ему дорогу на повышение. Как и многие в те годы, он сам висел на волоске. Малейший промах – и все, лагеря в лучшем случае. Он этого не забыл.

Сырохватов никогда не нарушал субординации и никогда не просил чего-либо для себя. В этот раз он решил попросить Портных о содействии. Но опять же не для себя. Для дела особой важности, суть которого он решил преподнести несколько иначе. По имеющейся у него оперативной информации, неустановленное лицо мужского пола по кличке Вангол еще до начала

войны выехал по поддельным документам в Москву с целью проникновения в советскую разведку. Причем внедрение произошло при содействии работников Иркутского НКВД. Кто, как и почему способствовал этому, выяснит следствие, однако говорить об этом преждевременно, пока не установлен сам преступник.

Сырохватов, понимая всю опасность своего положения, ведь он носитель компромата на должностных лиц УНКГБ по Иркутской области, не может пока действовать официально по служебным каналам. Он опасается того, что если эта информация реально не подтвердится или найдутся силы, которые сделают все возможное, чтобы эта информация не подтвердилась, то он сразу попадет под сокрушительный удар, уцелеть после которого ему не удастся. Однако он убежден, что, получив особые полномочия, он найдет преступника и тем самым будет раскрыто очень серьезное государственное преступление. Сырохватов, зная майора Портных, предполагал, что тот потребует доказательств. Их было крайне мало, но они были, а еще было чутье Сырохватова, о котором очень хорошо начальник знал. На это старший лейтенант и рассчитывал, и не ошибся.

– Так говоришь, агент иностранной разведки, не иначе?

– Так точно. Наверняка довоенное внедрение. Глубокая конспирация, тщательно разработанный план. Все говорит о том, что мы имеем дело с вражеским разведчиком. Представляете, где он может сейчас работать? На какой должности?

– Главное, на кого он сейчас работает?.. И под чьим руководством?.. Да, задал ты мне задачку, Сырохватов. Тут с лету не решишь, тут ох как подумать надо…

– А я, товарищ майор, сейчас только одного прошу: направить меня в Москву в командировку. У вас же есть связи в наркомате, нужно просто содействие в получении информации. Никакого рапорта или донесения на эту тему не будет, пока я не сумею выследить этого Вангола. Пока не установлю, кто он, где он, чем дышит и на кого работает. Все, что я выясню, будете знать только вы, вам и принимать решение о том, как действовать дальше. Время разобраться в ситуации будет. Мне главное – достать его, а вот тут надо торопиться.

– Хорошо. Я подумаю, как отправить тебя в столицу. Зайди завтра после обеда, а пока отдыхай.

– Есть, товарищ майор. Разрешите идти?

– Иди, Сырохватов.

Как только Сырохватов вышел и его шаги затихли в гулком коридоре управления, Портных снял трубку телефона:

– Соедините меня с наркоматом.

Через несколько минут Москва ответила. Дежурный по наркомату, выслушав Портных, спросил, с кем соединить.

– Кадры.

Когда трубка ответила голосом старого знакомого, майор спросил:

– Привет, Иван Михайлович, как здоровье?

– Нормально, у меня все хорошо. На здоровье тоже не жалуюсь.

Далее разговор потек в режиме обычного диалога.

– Чего звоню? Слушай, у меня есть один вопрос. Если припомнишь, года полтора-два назад от вас была ориентировка на некоего Вангола, его разыскивали по поводу царского золота, кажется, ну и разбой вроде был… да, да, помнишь? Почему интересуюсь? Да тут кое-какой материал на него вырисовывается… Как забыть? Вообще забыть? Понял, не дурак.

Осторожно положив трубку, Портных вытер лоб носовым платком. От услышанного его мгновенно пробила такая испарина, что стало мокро аж между лопатками.

– Ну, сука, Сырохватов… Хорошо, что я позвонил, вот это вляпался бы…

Иван Михайлович, ответивший ему, был опытный кадровик, с феноменальной памятью человек. Он сразу вспомнил приказ «самого» по тому делу. По-дружески он посоветовал дав-

нему приятелю даже имя этого человека забыть, поскольку этого человека уже давно нет. Самое главное, он сказал:

– Понимаешь, принято решение, что его вообще никогда не было. Его никто и никогда не видел и не мог видеть. Это очень важно. Вообще и никогда. Ошибочная была ориентировка. Ошибочная.

Портных откинулся на спинку кресла. Мысли неслись в голове бешеной круговертью.

«Да, с меня причитается, Михалыч. Даст Бог, сочтемся…»

На следующий день в канцелярии управления, куда дежурный направил Сырохватова, встретив у входа, ему выдали предписание о выезде в Москву и пакет, который он обязан был передать лично в руки начальнику управления кадров. Начальника управления на месте не было, уехал на несколько дней в районы.

«Что ж, хорошо, майор слово держит. Еду в Москву», – обрадовался Сырохватов.

Вечером он уже сидел в купе поезда Чита – Москва, ему достались нижняя полка и приятный попутчик, очень интересный собеседник.

– Вы по чину-званию кто будете?

– Старший лейтенант НКВД.

– Офицер, значит?

– Значит, офицер.

– По-старому, если я не ошибаюсь, поручик?

– Не знаю, я царю не служил.

– А я и царю служил, и великой России – честью и правдой.

Сырохватов оглядел сидевшего напротив чисто одетого, ухоженного деда. Кряжистый, с окладистой седой бородой, с ясным взглядом синих глаз, одним своим видом он внушал какую-то уверенность и надежность.

– И где же ты, дедушка, служил?

– На флоте российском, сынок, на крейсере «Варяг». Слыхал про такой?

– Слыхал. Это что, который врагу не сдается?

– Да, о нем песня сложена. И не сдались, и пощады не желали. Правильная песня.

– Это же сколько тебе лет?

– Восьмой десяток разменял, а что?

– Сохранился хорошо.

– Точнее сказать, сохранили. – Старик как-то странно улыбнулся, показав ряд белых, не прокуренных, как у Сырохватова, зубов.

– Как это «сохранили»?

– А вот так, закрыли на десять лет как врага народа. Теперь вот отпустили, сказали, ошибка вышла. Документ, как положено, выдали.

Он вытащил из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумагу и положил на столик перед Сырохватовым.

– Смотри вот, читать-то, поди, умеешь.

Сырохватов развернул бумагу и прочитал: «Справка об освобождении».

Суть справки заключалась в том, что Петров Иван Петрович освобожден от отбытия наказания в связи с отменой приговора от 12.09.1933 года, срок наказания десять лет, за отсутствием события преступления; это означало, что освобожден он по реабилитирующим основаниям. Получается, не было им совершено преступление. Невинно срок мотал.

– Надо же! – искренне удивился Сырохватов. – И такое бывает! Так ты же, дед, почти весь срок отсидел уже…

– Не весь, три месяца и восемь дней не досидел, вернее, не допарился.

– Это как это?

– Я в Могоче, в пересылке, как туда попал, почти весь срок банщиком отбыл. Мыл да парил бедолаг, этапами идущих в забайкальские лагеря. Ой, сколь людишек увидел. Всех мыл, и мужиков, и баб, всех отпаривал, да, бывало, и отпаивал. Дух живой в тела их возвращал, вот и такое ж бывало… А сколько начальства перепарил, а?

– Да, дед, повезло тебе. За что такое теплое место отхватил, а? Поди, помогал кому следовает?

Дед с укором глянул в глаза Сырохватову. Смело и открыто посмотрел.

– Зря ты так, служивый. Я стукачом никогда не был. Чести своей не посрамил. А место это мне не просто так досталось, прав ты. Я же после войны Японской долго у них в плену был, сначала в Японии, потом в Китай попал. Почти семь лет по китайским монастырям к дому родному пробирался. Там и научили меня косточки человечьи править.

– Править?

– Да, править. Вот ты сидишь и который раз уже плечами поводишь, потому как в пояснице у тебя боль сидит, не так?

– Так, – чуть помедлив, ответил Сырохватов. Он и правда давно чувствовал болезненное напряжение в пояснице. Но старался не обращать на это внимания. Болит не сильно, терпимо. Иной раз прихватит, а то вообще никаких проблем.

К врачам Сырохватов вообще никогда сам не обращался. Если и был на лечении, то его только уже лежачего в больничку доставляли. Не верил он врачам. А тут надо же, угадал дедок.

– Давай-ка я тебя посмотрю. Дорога длинная, может, и забудешь про болячку свою…

– Ну, если можно, давай, дед, гляди.

– Сымай китель и по пояс заголись, ремень тоже ослабь, ложись на полку.

Сырохватов разделся и лег на вагонный диван. Иван Петрович засучил по локоть рукава рубахи и положил тяжелые, сильные ладони на спину старшего лейтенанта. С полчаса Сырохватов, еле сдерживаясь от боли, терпел то, что с ним творили эти руки. Когда дед закончил, слегка похлопав его по спине, он долго не мог, вернее, не хотел вставать, даже пошевелиться, такая истома прилила к его телу. Такое тепло разливалось от пальцев ног до головы, такая легкость, что действительно не хотелось возвращаться в то состояние, в котором он находился до этого «массажа».

– Вставай, вставай, паря, все у тебя в порядке будет, еще пару разов помну тебя, будешь как огурец свежий.

Сырохватов медленно сел и покачал головой.

– Не кружится голова?

– Немного есть…

– Сейчас пройдет, кровь схлынет и пройдет. Полежи пока.

– Да, ничего подобного никогда не испытывал… – Сырохватов откинулся на спину и вытянулся на полке. – Действительно, ощущения сильные. Спасибо, дед.

– Так и вышло, что, вместо спасибо, меня старший майор Битц, был такой начальник лагеря, в баньку и определил на весь срок.

– Верю…

– Да, многих на ноги поднял, а кому просто помог от боли избавиться, всяко бывало… приезжали всякие большие люди, начальство. Даже самого Лаврентия Палыча, ага, его, его тоже… поясницу ему поправил, снял недуг…

Сырохватов аж привстал от неожиданности.

– Да ну, батя?! Не врешь?

– Чего мне врать, вот сейчас я в купе с тобой, служивый, еду куда? В Москву. Как так? Без пачпорта? Зэк со справкой? А вот так, в купе. Приеду, меня прямо на вокзале встретят и к нему повезут, а ты думал чего? Вру? Не вру я, чистая правда. Здоровье, оно один раз человеку

дается, его хранить надоть и беречь. Видно, вспомнил, как я его правил, прихватило, вот и призвал.

– Верю, верю я тебе, верю…

– То-то, а то…

– Прости, батя… – Сырохватов извинился, наверное, впервые в жизни.

Неделя дороги пролетела незаметно, Сырохватов еще два раза подвергся добровольной экзекуции и чувствовал себя очень хорошо. Боль в пояснице вообще ушла, зато появилась какая-то неведомая ранее ему энергия, просто какая-то жажда жизни. Появилось какое-то новое, неведомое ему ранее ощущение, чувство благодарности человеку. Он с удивлением смотрел на этого чудного деда, гордившегося своей службой царю на легендарном крейсере, отсидевшего почти десять лет по чьей-то злой воле и не утратившего доброту и стойкость, буквально излучавшего благодушие и надежность. А встреть он такого в зоне, сломал бы не глядя, как многих, не смирившихся со своей участью. Сломал бы, потому что так было принято. Потому что в лагере только он решал, как кому жить и как дышать. Зэки для него были лагерной пылью, рабами, не более. Такие, как этот, тоже встречались, но их было мало. Они пытались жить сами по себе. Он их гнул и ломал. Теперь он ловил себя на мысли: а вдруг он был не прав? Нет, не всегда, но иногда и он мог ошибиться… Раньше Сырохватов никогда не сомневался в своей правоте. Иначе в зоне нельзя, хозяин должен быть один. Надо же. Отменили приговор через десять лет. Тут что-то не так. Немыслимо!

Сотни, тысячи зэков в лагерях тянут сроки и не мечтают ни о чем, кроме куска хлеба. А тут один из них едет с ним в одном купе. С удовольствием попивает горячий чай с белыми сухариками и спокойно смотрит ему в глаза. Все не просто так… Может, сама судьба ему помогает. Дед едет к Берии. Это точно, на кой ему врать. И справка эта липовая, просто приказали освободить и отправить, и все дела. Скорее всего, скрытно его сопровождают ребята из особого отдела. Сырохватов несколько раз заметил этих людей. Он не мог ошибиться. Особисты. Надо воспользоваться случаем. Это шанс добиться встречи с наркомом, по крайней мере передать письмо.

Сырохватов все разложил по полочкам, почти, как всегда, правильно. Заблуждался только в одном: сопровождали особисты не деда, а его. Дело в том, что, с кем едет Сырохватов, особистов абсолютно не интересовало. Попутчиками были просто случайные люди. Операм была поставлена строго определенная задача, они ее выполняли. Если бы Сырохватов знал! Но он не знал и знать не мог.

Москва. Сырохватов

Перрон Казанского вокзала столицы в ранний час прибытия поезда был почти пуст. Сырохватов не торопясь готовился к выходу из вагона, пропустил, попрощавшись, вперед своего бравого попутчика и следовал по вагону на выход, не выпуская из поля зрения деда. Поравнявшись со служебным купе проводника, он вдруг почувствовал, как сильные руки сзади и сбоку буквально внесли его в это купе и дверь закрылась.

– В чем дело?! – пытаясь схватиться за кобуру, закричал старший лейтенант, но было поздно.

Перед его глазами было удостоверение Смерша, крепкий удар в солнечное сплетение перекрыл ему дыхание.

– Ты не сильно его?

– Да нет, слегонца, чтоб не голосил. Нам же сказали взять его тихо.

– Ну что, старлей, дыши, только не ори! Понял?

Сырохватов кивнул, и его посадили на скамью.

– Все, спокойно! Нам приказано доставить тебя в управление кадров наркомата, понял? Потому ты сейчас идешь с нами. След в след, шаг в сторону – и я тебя пристрелю, понял?

– Понял.

– Оружие получишь по месту прибытия. Все, пошли.

Сойдя на перрон, Сырохватов заметил вдалеке своего попутчика, деда, которого явно заботливо сопровождали двое в штатском. Его баульчик несли…

«Не соврал старый… значит, и письмо передаст по назначению», – подумал Сырохватов.

В его голове наблюдался некоторый сумбур. Он не ожидал ничего подобного. Зачем его схватили, для чего? Он и ехал, согласно командировочному удостоверению, именно туда, куда его теперь вот так грубо доставляют. Как-то глупо и бессмысленно выходит.

Через полчаса езды по улицам утренней столицы его вывели из машины, втолкнули в дверь наркомата, но, конечно, не в парадную, а в одну из служебных. Нескончаемый коридор, несколько лестничных переходов – и вот он в камере внутренней тюрьмы. Одиночный пенал, в котором можно только стоять, под непрерывным доглядом надсмотрщика, под светом яркой лампы, слепящей глаза, под таким ярким, что обжигает сетчатку глаз даже при закрытых веках. Сырохватов не терял самообладания, но страх липким потом пробивался наружу…

– Что, потеешь, старлей? Ничё, потерпи, постой, подумай, чего это тебе такую честь оказали. Под белы рученьки сюда доставили, а? Подумай! Может, чего и поймешь?

«Да, он прав, надо сосредоточиться и думать! Думать, а не ссать в штаны!» Сырохватов закрыл глаза и стал перебирать все свои шаги от момента, когда он нашел в тайге Игоря Сергеева, вернее, его труп и тем самым раскрыл вражеского агента по кличке Вангол, и до сегодняшнего дня. В том, что он раскрыл врага, а может быть, целое вражеское гнездо, он не сомневался ни секунды, у него были на то неопровержимые доказательства… Он докопался до этого сам. И нигде не допустил прокола. Никто не знал о его догадке, никто. Только доклад его начальнику мог быть причиной этих событий. Теперь все, о чем он докладывал, уже в письме, через деда-банщика попадет в руки Берии и тогда… А что будет тогда, Сырохватов не знал, воображения не хватало. Да и что будет с ним сейчас, он тоже не знал…

Он был уверен, что его сдал его начальник, но зачем? Он что, тоже замешан? Но тогда его бы просто убрали еще в Чите, зачем было везти сюда… Вот падла, его вели с самой Читы, значит, это все же Портных. Они же все в верхнем эшелоне власти повязаны меж собой.

«Предал он меня… предал…»

Ноги затекли, не меньше четырех часов он стоит уже здесь под ярким светом лампы и надзором зевающего то и дело вертухая. Он поймал себя на мысли, что обозвал сержанта по-

зэковски и вообще начинает его ненавидеть… А может, это все вообще не связано с Ванголом. Может, поступил донос на него! Но он ни в чем не виноват перед Родиной! Сейчас его вызовут на допрос, все выяснится, весь этот кошмар кончится… Мысли путались, нестерпимо хотелось пить…

– А ничё, крепкий мужик. Открывай его, вот распоряжение.

Сырохватов увидел, как раскрылась решетка, он шагнул вперед, но ноги не слушались, он просто рухнул вперед лицом. Но не упал, сержант и капитан подхватили его.

– Ты чё, ну-ко держись, старлей, двигай, двигай ходулями, счас отойдет…

– Дайте воды… – прошептал Сырохватов пересохшими губами.

– Сколько он тут?

– Почти двадцать часов.

– Дай ему попить, немного…

Сырохватов сделал несколько судорожных глотков из протянутой ему кружки и закашлялся.

– В седьмую его, пусть пару часов отлежится, потом накормить, и в восемь я его заберу. Вот портупея его и ремень. К восьми отдашь, и сапоги чтоб начищены были, слышишь, старлей? Начальство тебя видеть хочет. Вот так вот.

Сырохватов на ватных ногах еле добрел в сопровождении старшины до камеры, где он завалился на топчан и уснул.

Как ни странно, но через два часа он проснулся и чувствовал себя хорошо. Оделся, почистил сапоги и к приходу капитана был готов ко всему.

– Хорош, – отметил капитан. – Что ж, идем. Вот пакет, что был с тобой. Ты же его должен передать начальнику управления кадров?

– Так точно.

– Вот и передашь.

В приемной ждать не пришлось. Сырохватов вошел и строевым шагом подошел к массивному столу, за которым, как за крепостной стеной, сидел начальник.

Отрапортовать о прибытии он не успел. Тот жестом остановил его и протянул руку:

– Пакет привез, давай.

– Так точно. Вот.

Начальник несколько минут читал бумаги из пакета, потом внимательно посмотрел прямо в глаза Сырохватову.

– Присаживайся, старший лейтенант. Похвально, похвально. Восемь рапортов с просьбой об отправке на фронт. Отменные характеристики, безукоризненный послужной лист. Нам такие люди нужны, нам коммунисты с железными нервами на фронте очень нужны… Что ж, придется удовлетворить ваше желание, да и начальство ваше наконец не возражает.

Он нажал на кнопку, и в кабинете появился сотрудник.

– Так, немедленно в приказ, назначить старшего лейтенанта Сырохватова заместителем командира заградотряда, там посмотрите сами, где особо острая ситуация с людьми, и завтра же его на фронт, а еще лучше, если прямо сегодня. Война не ждет. Вот так. Свободен, Сырохватов, поступаешь в распоряжение капитана Сысоева.

Сырохватов вскочил и, отдав честь, вышел из кабинета в приемную, где его ждал капитан.

«Значит, вот как! Меня просто списали на фронт! Да, я, как и все, писал рапорта, но я же знал – меня некем заменить! Я был на своем месте! Я добросовестно делал свое дело! Я выполнял все приказы! Все! Значит, теперь я стал не нужен. Хорошо. Пусть так! Но почему так внезапно, срочно, вдруг? Схватили как зэка! Определили в кутузку. Значит, я кому-то сильно помешал. Теперь ясно кому… Но я успел, письмо дойдет до народного комиссара, тогда посмотрим, кто должен гнить в окопах…» Сырохватов, стиснув зубы, шел за капитаном, а

мысленно рвал и метал, крушил всех, кто встал на его пути. Всех, потому как они не стоили и гроша, тупые ублюдки, предатели, враги народа! Ничего, скоро они ответят за все…

– До утра приказано оставить тебя здесь, утром машиной выедешь по месту службы. Все ясно?

– Так точно.

– Ну, ночуй, старший лейтенант, отдельные для тебя апартаменты, ужин тебе принесут, – закрывая камеру, улыбнулся ему капитан.

«Я тебя лично рвать буду, дай срок», – мысленно ответил Сырохватов.

Сырохватов не предполагал, что именно его начальник, майор Портных, хорошо зная его характер, пытался спасти его. Он сделал так, чтобы Сырохватов ничего не успел совершить в Москве. Старшего лейтенанта сопровождали и доставили в наркомат по его приказу. Портных попросил своего друга, начальника управления, упрятать его куда подальше от Москвы, дабы сберечь его твердолобую голову от быстрой расправы. Он понимал: как только Сырохватов начнет собирать информацию по этому неприкасаемому, под особым покровительством «самого», Ванголу, а он будет это делать, старшего лейтенанта мгновенно вычислят и уничтожат. Сказать об этом Сырохватову он не мог, единственный выход – отправка на фронт. Там не до расследований будет. Не сумел Портных предвидеть только одного, что Сырохватову попадется такой попутчик. Подобного предусмотреть никто не смог, а должны были…

Через три дня после того, как Сырохватов был направлен на фронт, по наркомату прошла ориентировка – установить местонахождение старшего лейтенанта НКВД Сырохватова и немедленно доставить в Москву. Это было сделано по распоряжению Лаврентия Павловича Берии полковником Красковым. Будь оно выполнено, приговор, наверное, навис бы над многими…

Но судьба распорядилась иначе, в первую очередь для Сырохватова.

Он в это время трясся в кузове санитарной полуторки. Водитель с медсестрой привез в полевой госпиталь раненых с передовой и на обратном пути прихватил попутчика – заместителя командира заградотряда. Попробуй не возьми…

Антарктида, Новая Швабия. Кольша

В комнату старшего воспитателя Кольшу вызвали сразу после обеда. Он вошел и увидел за столом именно ту красивую женщину, которую приметил раньше. Длинные светлые волосы, красивые, выразительные глаза и улыбка. Он уже и не помнил, чтобы кто-нибудь вот так открыто ему улыбнулся.

Ольга заговорила на немецком:

– Проходи, садись.

Кольша прошел и сел на стул напротив.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Мой номер восемьсот десять, госпожа…

– Я не госпожа, – на русском языке тихо перебила его Ольга. – Как твое имя?

– Кольша…

– Я тоже русская, и я хочу тебе помочь. Но не знаю как. Тебе, Кольша, угрожает опасность стать… стать…

Ольга не знала, как сказать подростку, почти еще ребенку, о том, что с ним собираются сделать.

– На удобрение меня отправят?

– Нет, Кольша. Бывает и похуже.

– Похуже уж некуда… Раз так, что мне делать?

– Не знаю, есть еще две недели…

Кольша почему-то поверил этой женщине. Наверное, потому, что она не врала. Он научился чувствовать вранье. Она говорила правду, для него это было важно. Кольша решил открыться ей.

Он почти прошептал:

– Я сбежать хочу.

– Куда здесь бежать?..

– В тайгу…

– Здесь нет тайги, Кольша, здесь есть леса, но они не такие, как у тебя дома. Ты не сможешь прожить один в этих лесах. Там полно хищных зверей. До лесов очень далеко. Тебя будут искать и наверняка найдут. То, что ты задумал, – смертельно опасно.

– Не найдут. Если и найдут, все одно хуже не будет, так ведь?

– Так…

– Помогите мне. Извините, как мне вас называть?

– Ольга… то есть при всех – госпожа Штольц. Как тебе помочь?

– Госпожа Штольц, мне нужны нож и крепкая веревка. Еще две или три иголки большие и зажигалка, как у воспитателей я видел. Больше мне ничего не нужно, я уйду от собак и буду жить в лесу, каким бы он ни был. Я всю жизнь свою в тайге жил и здесь буду…

– Хорошо. До завтра я все для тебя приготовлю. Но где это для тебя спрятать?

– Знаете, где картофельные поля у реки? Там на берегу стоит туалет. За туалетом обрыв, а в нем есть норы, положите все туда, в самую верхнюю, я возьму. Только не знаю, когда нас туда повезут.

– Это узнаю я и постараюсь тебе сообщить, хорошо?

– Хорошо. – Кольша помолчал, затем решил уточнить: – Вы правда русская?

– Правда, я из Ленинграда. Слышал про такой город?

– Нет.

– Ты, наверное, забыл. Про этот город все дети Советского Союза знают.

– Значит, забыл, – улыбнулся Кольша.

– Ничего, вот война кончится, и ты обязательно приедешь в этот замечательный город.

– Вы сами-то в это верите? – строго глядя в глаза, спросил Кольша.

– Хочу верить… – честно ответила Ольга.

Через три дня Кольшу вызвал старший воспитатель и отдал ему небольшую книжку:

– Это тебе передала фрау Штольц. Там записка.

Кольша открыл книжку и увидел записку.

«Восемьсот десятый, я свое обещание выполнила, будь примером для всех в учебе, послезавтра проверю личные достижения. *Фр. Штольц*».

– Благодарю, господин воспитатель, – поклонился Кольша и вышел.

Так, значит, она выполнила его просьбу, послезавтра их повезут на поля у реки – понял Кольша. Он был готов к побегу. Он давно решил, что если пытаться бежать, то надо пробовать именно там. Он уже пару раз спускался к реке, вода в ней была чистая и холодная, как в Енисее. Там, вдалеке, виднелись горы, лес, и добраться до них можно было полями. Так и побежал тот мальчишка, которого затравили собаками. Кольша решил уйти рекой. Камыша по берегу реки было много, он уже смастерил себе хорошую трубку, чтобы долго плыть под водой с камнем. Так он делал у себя на речке, когда охотился на налимов с маленькой острогой. Нырял с камнем за пазухой и трубкой в руке и плыл по течению, высматривая на дне пятнистых и усатых рыбин. Заметит в ямке пятнистый зигзаг, налим всегда, как пружина, готовый к броску, на дне лежит, через трубочку камышовую, не всплывая, наберет полные легкие воздуха и осторожно опускается к своей добыче. Короткий удар, и… от его остроги еще ни один не ушел. Жаль, острогу не сделать… и вообще, рыба-то здесь водится?

О том, водится ли в этой реке рыба, Кольша узнал довольно быстро.

Как всегда после прибытия на место, последовала команда:

– Подготовиться к работе.

Это означало, что нужно переобуться, надеть рабочие фартуки и перчатки и, если есть необходимость, сходить в туалет. Народу было много, сразу несколько машин прибыло на поля. Впервые привезли на работы даже девчонок. Кольша в этой сумятице спокойно прошел мимо туалета к берегу и спрыгнул на одну из террас. Берег был достаточно высокий и весь изрезан террасами, по верхнему срезу было много небольших нор. Кольша так и не разобрался, птичьи они или каких-то зверьков.

Он сунул руку в нору и нащупал сверток. Не подвела фрау Ольга…

Схватив сверток и приготовленную им трубку, Кольша стал спускаться к воде. На ходу сунул в большой карман фартука увесистый камень. Он уже был у самого среза воды, как сверху услышал крик воспитателя:

– Стой! Немедленно назад!

Он обернулся и увидел, что несколько воспитателей устремились вниз по террасам за ним.

Кольша что было мочи крикнул:

– Лучше сдохнуть, чем так жить! – и прыгнул в воду.

Сделав несколько сильных гребков, Кольша отплыл и, подхваченный мощным течением, стал быстро удаляться от берега, на котором метались его преследователи. Никто из них в воду не прыгнул. Они бежали по берегу и что-то кричали.

«Ну что ж, пора», – решил Кольша и, вскинув руки, стал беспорядочно бить ими по воде, скрываясь с головой, что-то крича, и наконец ушел под воду.

Для наблюдавших с берега людей все было ясно – мальчишка утонул.

А Кольша долго плыл, задержав дыхание, камень помогал быть под водой, затем подвсплыл и, высунув трубку, выдохнув через нее, набрал полные легкие воздуха. И снова, сколько мог, плыл под водой. Река была глубокая и холодная, прозрачная вода позволяла видеть каменистое дно, усеянное крупными валунами. Кольша не понимал, как далеко его унесло и можно

ли всплыть незамеченным. Он собрался было снова подвсплыть, чтобы подышать через трубочку, как заметил что-то большое, метнувшееся к нему из глубины. Резкий рывок – и Кольша почувствовал, как, треснув, порвались завязки фартука с камнем в кармане, и, освобожденный от груза, он буквально вылетел на поверхность. Уже не думая ни о чем, спасаясь, Кольша быстро поплыл к берегу, успел выбраться на отмель и юркнуть в прибрежный кустарник. В этот самый момент на водную гладь из-за поворота реки медленно вырулил патрульный катер. Он шел зигзагами, по бортам стояли матросы, внимательно смотревшие по сторонам на воду.

Акула, атаковавшая мальчишку, выплюнула Кольшин фартук, он всплыл как раз тогда, когда катер проходил мимо. Зацепив тряпку багром и вытащив на палубу, все увидели на ней зияющие дыры от зубов хищницы. Сомнений не было – беглец стал пищей этой свирепой хозяйки реки.

Тем временем Кольша пластом лежал в кустарнике. Он не шевелился и почти не дышал, зарывшись в старые листья и мох. Мимо него в двух-трех метрах прошли люди. Он услышал обрывок разговора:

– Зря время теряем, из этой реки никто еще не выплывал…

«А я выплыл…» – улыбнулся Кольша.

Весь день Кольша где ползком, где пригнувшись как можно ниже, чтобы укрыться за кустарником, пробирался в сторону, в которой вдалеке просматривались заснеженные вершины гор. Он видел – у их подножий начинается тайга или лес, не важно. Он чувствовал, что там его родная стихия. В ней он вырос, там он как дома. Точно не пропадет. Поэтому он шел и шел. Только совсем устав, выбрав в небольшом овражке укромное место, решил немного отдохнуть. Совсем немного…

Не имея часов, определять здесь течение времени было сложно. Не было столь привычного рассвета и заката, не было настоящей ночи. Спустились сумерки, и в этих сумерках Кольша вдруг почувствовал опасность. Она исходила отовсюду, она окружала Кольшу и сжималась кольцом на его груди. Он вскрикнул и проснулся.

Осторожно осмотревшись вокруг, Кольша убедился: ему ничего не угрожает. Только сейчас он вытащил из-за пазухи сверток, который забрал в норе на берегу. Осторожно развязав крепкую бечеву, развернул его. Нож, хороший, очень острый нож сверкнул лезвием. Здесь же были зажигалка и жестяной флакон с бензином, иглы и прочные нитки. Все, что просил Кольша, оказалось на месте, кроме того, в свертке он нашел несколько плиток шоколада, прессованное сухое соленое мясо и теплые шерстяные носки. Все было завернуто в прорезиненную ткань и даже не намокло за время его купания. Он вспомнил фрау Ольгу, ее глаза, волосы, улыбку. Она и вправду наша, русская, спасибо ей…

Побережье Антарктиды. Вангол

Последнее «свидание», как в шутку, которой никто не улыбнулся, назвал встречу подлодок перед побережьем Антарктиды Степан Макушев, состоялось, согласно плану, тридцатого марта. Ночь, штиль, две лодки быстро нашли друг друга и сблизились бортами. Впервые за весь поход время встречи не было ограниченно. Вангол и командиры лодок совещались, экипажи, кто был свободен от вахты, наслаждались прохладным чистым воздухом и, конечно, дымом папирос. Плотный туман накрыл корабли, и, казалось, они парили в каком-то безмерном пространстве.

– Первый этап выполнен, дошли до материка, два часа хода – и мы у берега Королевы Мод, – подытожил доклады командиров лодок Вангол.

– Очень хорошо, что дошли без поломок и потерь. Отлично, что экипажи здоровы, – заметил Лузгин. – Теперь наша задача найти базу противника. Будем ходить и смотреть, лежать и слушать, главное, не обнаружить себя. Думаю, правильно будет разбить акваторию на сектора и составить график дежурств. И график всплытий для обмена информацией. Предлагается раз в три дня при подзарядке аккумуляторов в этом же месте.

– Согласен.

– У меня такое же мнение. Как только нащупаем, нанесем торпедный удар и десантируемся. – Аксенов даже стукнул кулаком по столу.

– Вот когда найдем их, тогда и примем решение, как действовать, хорошо, десантник? – улыбнулся Вангол.

– Хорошо, это я так, очень хочется ступить на неведомую землю. Антарктида!!! Никто мне не поверит!

– Да, Вангол, согласись, это – событие, да не смейся ты, мало кто может похвастать, что побывал здесь, – поддержал друга Лузгин.

– Да я не смеюсь, просто хорошо, что вы думаете о том, что будет возможность похвастать об этом. Значит, и задачу выполним, и вернемся, так?

Лузгин очень серьезно посмотрел на Вангола.

– Приказ надо выполнить, иначе быть не должно. Кто за нас это сделает? Никто. Значит, выполним, и точка.

Все одновременно кивнули.

– Вангол, твои навыки гидроакустика сейчас очень пригодятся.

– Я готов, Сергей, давай я сразу по две вахты нести буду.

– Нет. Зачем нарушать распорядок, просто в бодрствующей смене будь рядом с постом, в случае чего подключайся и слушай, слушай.

– Хорошо. Еще вопрос. Сколько времени у нас есть на обнаружение немцев, если судить по запасам топлива?

– Две, максимум три недели. Потом точка невозврата.

– Что это значит?

– Топлива на обратный путь даже одной лодке не хватит. Если, конечно, не прихватить его у противника.

– Будем надеяться на лучшее.

Через несколько часов лодки разошлись по своим секторам. Осмотрев через перископ береговую линию, они отошли и в режиме тишины легли на грунт. Несколько часов поиска и перемещение, затем еще один такой же цикл – так, согласно задуманному плану, за трое суток они должны были обследовать линию берега в двести километров. Важной точкой были координаты, полученные от Ольги, именно с этого места начинался поиск. Но берега в этом месте просто не было, стояла сплошная ледяная стена, громоздились огромные торосы, местами до

двадцати метров в высоту. Никакого намека на бухту или шхеру, никаких признаков присутствия людей. Ни дымов, ни огней, ни шумов. Тихо, только иногда гул падающих кусков льда и дыхание океана.

Первые трое суток прошли, и лодки всплыли для встречи, чтобы обменяться информацией. Результата не было. Так прошли первая и вторая неделя. Вангол понимал, время работает против них, нужно было что-то предпринимать. Если вражеская база замаскирована на берегу, а это, естественно, так, то обнаружить ее с подводной лодки визуально практически невозможно. Если они не засекут субмарину или корабль противника на подходе, то операция будет провалена. Оставалось упорно ждать и слушать, слушать, слушать…

На вахте стоял гидроакустик Семенов, когда в его наушниках раздались шумы немецкого корабля. Он сразу доложил в центральный. В рубку пришел командир лодки, следом появился Вангол.

– Что слышишь?

– Шум винтов, пока неясный, очень слабый, далеко…

– Хорошо, Семенов, хорошо, слушай…

– Кажется, шум винтов подводной лодки… Точно, лодка. Приближается… Товарищ командир, она идет прямо на нас, скорость примерно двенадцать узлов.

– Глубина?

– Пятьдесят – шестьдесят метров.

– Центральный?

– Есть центральный.

– Наша глубина?

– Семьдесят четыре метра.

– Срочное погружение на сорок метров!

– Есть погружение сорок метров.

– Ныряй, старпом, быстрей, но тихо…

– Есть…

Вангол надел наушники. Он услышал шум винтов немецкой подводной лодки, затем внутренним взором увидел ее длинный корпус, пронзающий водную толщу уже в нескольких кабельтовых от них. Она шла выше, значительно выше, и угрозы столкновения не было.

– Командир, отмени погружение…

– Центральный, отставить погружение…

– Есть отставить погружение, но мы уже…

– Отставить.

– Есть…

– Мы сможем идти за ней?

– Они нас могут услышать и запеленговать.

– Думаете, они сейчас настороже? Будем рисковать, это единственный шанс засечь их базу. Будем идти на максимальном расстоянии, да вот только бы не упустить ее.

– Командир, отпустите лодку как можно дальше, я буду ее вести. – Вангол улыбнулся. – От меня не уйдет.

– Хорошо, я в центральный, действуем, веди, Вангол.

– Хорошо, командир.

– Семенов, работаем параллельно, как только ты перестаешь ее слышать, показываешь мне большой палец – да-да, вот так. Как только слышишь ее, просто держи сжатый кулак. Понял?

Семенов молча кивнул. Он был максимально сосредоточен на деле, казалось, он ничего не видит, все его естество воспринимало только то, что приходило извне, через эти черные резиновые наушники. Он сжал кулак и смотрел в никуда…

– Командир, я не знаю, какая скорость у немцев, но, случись отстать от лодки, мы ее будем хорошо слышать.

Лузгин дал команду уменьшить ход, немцы постепенно уходили дальше и дальше.

Семенов занервничал, шумы были уже еле слышны, и он, выполняя указание командира, поднял большой палец.

– Хорошо, Семенов, молодец. Ты их не слышишь, значит, и они нас перестали слышать. Я их пока слышу хорошо. Отпустим еще немного и двинемся за ними.

Через несколько минут Вангол сообщил в центральный:

– Товарищ командир, можно идти за ними, они нас не слышат, точно.

Преследование длилось около двух часов. Лодка немцев, не меняя курса, шла прямо к берегу материка. Именно в ту точку, координаты которой передала в шифровке Ольга.

– Они идут на свою базу. Уверенно идут. Спокойно, – заключил Вангол, когда Лузгин вновь появился у них в рубке.

– Это хорошо. У нас будет фактор внезапности. Максимум через час побережье, мы же проходили здесь, там сплошная ледяная стена.

– Значит, где-то есть скрытый проход.

– Его надо обнаружить, а там уже нам решать, как наведаться к фрицам в гости.

– Куда денутся, приведут… – Вдруг Вангол поднял ладонь, прося тишины. – Они немного снизили ход и погружаются. Курс прямо к берегу. До берега меньше двух кабельтовых! Они что, решили идти на таран ледника?

– Этого не должно быть!

– Это так, Сергей.

– Что будем делать?

– Преследовать до упора!

– Я в центральный, не упустите их! Возможно, у них что-то задумано, маневр какой-то хитрый. Будьте готовы…

– Не упустим.

Вангол каким-то образом видел, как немецкая субмарина, ускоряя движение, уходила к берегу, медленно увеличивая глубину. Впереди сплошная ледовая стена, но лодка шла, не сбавляя хода. Теперь уже, даже при такой скорости, она не сможет ни остановиться, ни отвернуть, столкновение неизбежно… Может быть, у них что-то случилось на борту. Еще несколько минут – и та же ситуация будет и на русской подлодке!

– Командир, немцы уже не смогут избежать столкновения, еще несколько минут – и мы тоже!

Лузгин молчал, вероятно, он лихорадочно соображал, что же делать…

Время неумолимо шло…

– Командир, столкновения нет, немцы прошли сквозь ледовую стену, там, вероятно, тоннель!

– Мы сможем его найти, если сейчас уйдем?

– Маловероятно.

– Тогда идем за ними, это единственное для нас решение, командир.

– А как же Аксенов?

– Вскроет пакет, если мы не вернемся, и продолжит выполнение приказа. Вперед, Сережа, они шли на десяти узлах, не меньше, значит, дыра там большая и…

Вангол поднял руку.

– Я вижу.

– Немцев? Лодку?

– Нет, проем в ледяной стене, не меньше пятидесяти метров в диаметре. Вход в ледник, куда ушли немцы.

– Центральный! Стоп машины! – прокричал Лузгин и спросил: – Мы их найдем, Вангол?

– Найдем, теперь, конечно, найдем, но нужно всплыть, чтобы как-то зафиксировать точку.

– Думаю, если за этим местом наблюдают, нельзя всплывать.

– Хорошо, надо уходить, будем искать по курсу. Как там твой штурман – справится, вычислит?

– Вычислит. Завтра встреча с Аксеновым, все обсудим, главное – мы их нашли…

На следующий день командиры лодок при встрече радостно пожали друг другу руки.

– Нашли! Главное – нашли!

– Товарищи командиры, немецкая субмарина нырнула и прошла через подводный проход в леднике, но куда она ушла, что там дальше, мы не знаем, а потому радоваться пока рано, – несколько остудил восторг своих товарищей Вангол.

– Что будем делать?

– Вариант первый – взорвать чертов проход.

– Что это нам даст?

– Ничего. Проход может быть восстановлен или проходов может быть несколько, база останется невредимой, мы обнаружим себя и задание, по существу, не выполним.

– Второй вариант – пройти за ними подо льдом и действовать по ситуации. Осуществим торпедный удар по базе и лодкам при их обнаружении и уйдем тем же путем. Уже потом уничтожим подводный тоннель.

– Вот это уже лучше, товарищ Лузгин. Принимается за основу, – улыбнулся Аксенов.

– Давайте продумаем всю операцию.

– Во-первых, обнаружить тоннель может только Вангол. Это значит, что проникнуть в него способна только одна наша лодка, – начал Лузгин.

– Да. Выходит, Аксенов остается страховать в районе норы и в случае чего – вдруг еще одна лодка немецкая нарисуется – на подходе ее будет топить. Иначе она нам выход перекроет. В том тоннеле две лодки вряд ли разойдутся. Поскольку связи нет и быть не может, придется тебе, Аксенов, ждать нас максимум трое суток и, если мы не вернемся, рвануть этот тоннель.

– Вангол, если вы не вернетесь, я должен буду подорвать этот тоннель? Верно?

– Ты все правильно понял, капитан, – похлопал его по плечу Вангол.

– В любом случае это, возможно, на длительный срок прервет связь немецкой базы с материком, а это важно… к тому же, сам понимаешь…

– Нам там задерживаться смысла нет, если только солярой разжиться… – размышлял Лузгин.

– Ударим по базе – и назад. Короче, если через трое суток мы не вернемся, посылай все торпеды в эту чертову нору и иди домой, это приказ.

– Есть! – коротко ответил Аксенов. – А жаль…

– Чего жаль?

– А десант на антарктическое побережье?

– Да ну тебя, ты подводник или десантник?.. – расхохотался Лузгин.

– Итак, восемь часов на отдых, подзарядку аккумуляторных батарей, и ровно в полночь начинаем операцию, – подвел итог Вангол.

– Вангол, как в вахтенном журнале назвать эту операцию?

– Напиши «Гостинец от Деда», – с улыбкой сказал Вангол.

– Как? От какого деда?

– Вернемся – лично познакомлю.

– Вангол, а что будет, если вы пойдете в тоннель, а немецкая лодка окажется там, идет с базы, что тогда?

– Тогда будет большущий взрыв, и ты о нем узнаешь первым… – Лузгин похлопал Аксенова по плечу и вышел из каюты.

– Это что, была шутка?

– Это самый плохой вариант, но мы его просчитать не можем… Да, еще Макушева я у тебя забираю, наша группа пойдет на лодке Лузгина, так что бери себе торпедиста из этого экипажа.

– Хорошо.

Вангол шел по отсекам подводного корабля, здороваясь и кивая ставшим такими родными морякам экипажа лодки. В каюте он разделся, прилег и три часа пятьдесят минут крепко спал, так спать приучила его жизнь на подлодке. Проснувшись, сходил в гальюн, рядом с которым была оборудована крошечная душевая. Окатился холодной забортной водой, умылся и через десять минут уже шел в центральный отсек. Его не покидала мысль о том, что он наконец добрался туда, где должна быть Ольга, бесконечно любимая им женщина.

– Как же я по вам всем соскучился, мужики, – пожимая руки друзьям, искренне радовался Степан Макушев, перешедший на лодку Лузгина.

– Я тоже по вам скучал, очень-очень, – улыбаясь, съязвил Владимир Арефьев.

– Ну что, Степан, повоюем?

– Повоюем, Вангол, где наша не пропадала…

– Степан, мы их нашли. Точнее, нашли вход в подводный тоннель. Идем через него, туда, куда ушла немецкая лодка. Задача – обнаружить и уничтожить противника, разгромить его базу и все, что сможем, и по возможности вернуться. Ты отвечаешь за торпедную атаку вместе с командиром первого отсека.

– Есть.

– Группе собраться в первом отсеке.

– Есть.

Все разошлись, и Вангол остался с Лузгиным.

– Сергей, я хочу обговорить с тобой действия моей группы.

– Не понял, разве мы не в одной лодке?

– Сейчас да, но как только мы обнаружим базу противника, нам необходимо будет десантироваться на берег. Далее ты действуешь по утвержденному плану, то есть производишь торпедную атаку, выставляешь мины на фарватер, уничтожаешь все, что сможешь, и возвращаешься в открытое море. Мы же действуем по своему особому плану.

– А как вы вернетесь?

– Сергей, ваше возвращение домой с выполненным заданием – это главное. Наше возвращение тоже состоится, только позже. Прости, но более я тебе рассказать не могу. У нас есть надувная лодка и легководолазное снаряжение, сейчас мы должны все проверить и приготовить. Скажи, как будем выходить? Через аппараты?

– Подвсплывем на перископную глубину, посмотрим и решим на месте.

– Хорошо.

Лузгин был очень огорчен услышанным и не скрывал этого. Он озадаченно морщил лоб, ерошил волосы. Через минуту заговорил:

– Вангол, это неправильно. Я не смогу уйти без вас. Что я скажу своим людям? Что бросил друзей? Пойми, как бы там ни было, давай изменим план.

– Это приказ. Тебе известно, что приказы не обсуждаются, – сухо ответил Вангол.

– Да, но мы не знаем наверняка, что нас ждет после тоннеля. Может быть, будет правильнее действительно высадить твою группу, разведать там все, а уже потом принять решение о дальнейших действиях?

– Если будет возможность действовать скрытно, в этом есть резон, – подумав, согласился Вангол.

– Нам нужно проявить осторожность. – В голосе Лузгина сквозила тревога за жизнь вверенных ему людей, за сохранность подлодки.

– Хорошо. Проходим через эту ледяную дыру, осматриваемся, если есть возможность скрыть наше присутствие, высаживаем группу и ждем от нее разведданных, затем действуем либо по принятому плану, либо меняем его по новым обстоятельствам. В любом случае, Сергей, если нашу группу или лодку немцы засекут, то действуем как договорились: торпедный удар, минное заграждение и вы уходите. Понял?

– Понял, Вангол.

– Вот и ладно, Сергей. А теперь ближе к делу. Я в первый, там снаряжение.

В первом отсеке было людно, вся команда Вангола наконец собралась вместе. Степан Макушев, Владимир Арефьев, Федор Сизов. Все ждали его. Вангол, улыбнувшись, поздоровался и подначил товарищей:

– Ну что, не надоело в подводниках?

– Тесновато тут, командир, а так ничего, жить можно… – отшутился Степан.

– Вот-вот, товарища Макушева надо тут и оставить, если он борт покинет, лодка погрузиться не сможет, веса не хватит, – острил с серьезным лицом Арефьев, готовый расхохотаться в следующую секунду.

– Вижу, соскучились… – рассмеялся Вангол. – А вот товарищ Макушев действительно останется на борту лодки, если выходить будем через торпедные аппараты. Извини, Степан, ты через него не пролезешь никак.

Улыбка слетела с лица Макушева.

– Елы-палы, да как же так?

– Но, возможно, удастся сойти с надводного положения, тогда идем вместе. Потому готовим все: надувную лодку, спасательные аппараты. Все проверить, самим быть предельно готовыми к высадке, разбирайте оружие, боекомплекты, одежду, снаряжение, питание. Через три часа начинается операция. Сначала идем к ним в логово, потом, если все нормально, высаживаемся и проводим разведку. Если разведка невозможна и нас, я имею в виду лодку, немцы обнаружат на подходе, высаживаемся скрытно и уходим от преследования для выполнения диверсионных задач. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – за всех доложил Федор.

– Тогда приступайте к подготовке. Арефьев, ты здесь все укладывал, выдавай.

– Есть. Только, Вангол, я серьезно, гидрокомбинезона на Макушева нет. Нет такого размера, не выпускается промышленностью. Самый большой, что был, я взял, но боюсь, на него не налезет.

– Спасательные аппараты на всех есть?

– Да, конечно, ИСА-М, самые современные, на которых учились.

– Вангол, ежели что, я без комбинезона пойду, аппарат есть, и ладно.

– Степан, за бортом минус тридцать, вода плюс два-три, десять минут в такой воде – и конец. Без гидро-комбеза не пойдешь, без обсуждений.

Макушев опустил голову и, пряча глаза, присел на торпеду, лежавшую на нижнем стеллаже.

– Товарищ капитан, осторожнее, раздавите боеприпас…

– Арефьев, кончай базар. Все, шутки в сторону, мужики, работаем, – тихо сказал Сизов.

Конец марта в Антарктиде – это уже осень, больше похожая на зиму. Полярная ночь, накрывшая шестой материк своим непроницаемым покрывалом, была очень кстати. Редкие всполохи сияния озаряли небосвод. Глубокое, бездонное, усыпанное незнакомыми звездами небо висело над двумя подлодками перед боевой операцией, всплывшими на последнее «свидание». Решили оставшиеся перед тайным проходом во льду мили преодолеть в надводном положении. Вангол был уверен, что найдет этот вход, увидит его, почувствует. Когда лодка пошла на глубину, он уже не снимал наушников гидроакустика. Вскоре штурман доложил – прямо по курсу искомый квадрат, точнее он определиться не сможет. Сбавили ход до самого малого. Вангол вслушивался в сигналы гидролокатора. Лодка Аксенова осталась за кормой и зависла в режиме тишины, чтобы не мешать Лузгину и Ванголу.

– Внимание, слышу сигнал. – Вангол поднял руку. Через минуту, сориентировавшись, он пояснил:

– Только это сигнал гидромаяка. Сергей, вот почему они так уверенно шли. А мы за ними этот сигнал не слышали. Жаль, Аксенову это невозможно сообщить. По маяку и он бы прошел, как думаешь?

– Не знаю, теперь об этом поздно думать. У нас своя задача. Ну что, Вангол, идем в нору?

– Идем.

Сигнал боевой тревоги расставил экипаж по местам, лодка на малом ходу приближалась к входу в ледовый тоннель, который Вангол уже хорошо ощущал, он практически его видел. Он засек время, когда лодка в него вошла. Секунды медленно превращали время в минуты, прошло три, пять, двенадцать минут хода в тоннеле.

– Центральный, мы выходим, дайте право руля, там чисто, надо уйти от действия гидроакустики немцев. Маяк – узконаправленный луч. Скорее, Сережа! Я вырубаю наш локатор, чтобы не засветиться.

Через несколько минут маневрирования Вангол доложил в центральный:

– Все, мы вне зоны их радара, можно остановиться и всплыть на перископную глубину.

– Вангол, передай вахту дежурному, ждем тебя в центральном.

– Хорошо, сейчас буду.

Лодка медленно всплывала, продували цистерны аккуратно, не создавая лишних пузырей. На перископной глубине зависли и осторожно подняли прибор. Лузгин долго всматривался в окуляры, медленно поворачивая перископ. Все это время он молчал. Потом передал его Ванголу.

– Не может быть! – первое, что произнес Вангол через несколько секунд наблюдения. – Как они сюда прошли?

– Вот и я о том же думаю, – ответил озадаченно Лузгин.

В перископ плохо, но было видно скалистое побережье с небольшой бухтой, в которой стояли океанское грузовое судно и несколько подводных лодок. Транспортник разгружался под светом мощных прожекторов. На причале двигались какие-то небольшие машины и люди. Никаких признаков тревоги. Вангол всматривался в береговую линию, но даже он не заметил ни орудий, ни зениток. Вообще, военных береговой службы видно не было, только экипажи судов небольшими группами двигались между укрытых в скалах строений.

– Нас не засекли, это хорошо. Удобно устроились, да и то сказать, кто бы их тут нашел…

– Вангол, вероятно, в бухту для транспортных судов есть какой-то другой проход, скорее всего, вдоль береговой линии, вот там левее у скал вижу буи. Скорее всего, это фарватер для транспортных судов, он непроходим для лодок. А вход может быть далеко, там, где мы видели сплошные торосы и айсберги. Там, возможно, их встречает вон тот ледокол-буксир. Хорошо придумано, молодцы фашисты. Бухта закрыта с моря на сто процентов. А для лодок сделали проход во льду.

Вангол заметил две очень большие субмарины и одну среднего водоизмещения, какую-то не совсем обычную, почти без рубки. Что это за лодка?..

– Надо десантироваться. Посмотри, где можно подойти максимально близко к берегу, так чтобы фрицы не обнаружили.

– Сложно сказать, видимость плохая, но вот если только там, изгиб, скала, может быть, под нее уйти. Штурман, глубины?

Через полчаса лодка всплыла в тени огромной скалы, свесившейся над водой примерно в двух километрах от немецких причалов. Ровно десять минут – и она скрылась в глубине, оставив в черных волнах в лодке двоих. Вангол и Федор Сизов, одетые в немецкую военно-морскую офицерскую форму, быстро гребли к скалистому берегу. Еще через час они стояли возле какого-то сооружения и наблюдали, как немецкие моряки опустошают запасы пива в задымленной табаком забегаловке, сколоченной из пустых ящиков. Этими же ящиками, горы которых лежали вокруг пирса, жарко топили большую буржуйку в центре заведения. Было холодно, около двадцати градусов мороза, при абсолютном штиле.

– Вангол, здесь какой-то перевалочный пункт, смотри, сколько разной тары. Явно распаковывают здесь и перегружают…

– Вот в эту небольшую подводную лодку, – продолжил Вангол.

– И куда же они везут столько добра?

– Вот это и надо у них спросить…

Как обер-боцман с немецкого военно-транспортного судна Ганс Литке оказался на борту русской подлодки, он никогда не узнает. Теперь ему было уже все равно. Он сидел в баре «У причала» и пил пиво. Несколько раз выходил «освежиться» и вот очнулся в каюте командира советской субмарины. Это было ужасно…

Болела голова и немного челюсть. Он понял, что его военной карьере пришел конец и все, что вбивали ему в течение многих лет о великой миссии Германии, уже ничего для него не значит. А жить хотелось, очень хотелось, поэтому он сразу решил, что расскажет все… Только несколько глотков пива – и он будет говорить. Поскольку пива на борту лодки не было, несколько глотков спирта так развязали немцу язык, что он говорил почти два часа, рассказывая обо всем, чему был лично свидетелем и о чем не знал, но слышал. То есть говорил о земле обетованной, сокрытой под ледяным панцирем материка. Вангол переводил, все остальные слушали этот фантастический рассказ. Арефьев, по поручению Вангола, тщательно записывал. Когда немец устал говорить, его отправили отсыпаться.

– Ну и что это было?

– В других условиях я бы принял его за психа и отправил в больничку, – сказал Макушев.

– Да, Степан, в других условиях я бы его просто шлепнул как ненормального и потому бесполезного «языка». А здесь и сейчас мы, к сожалению, видим реальные подтверждения его бреда.

– Если хоть какая-то часть его слов правда, то мы еще только на пороге тайны. Наша задача несколько меняется. Во-первых, необходимо проникнуть туда, в таинственную Новую Швабию. Во-вторых, уничтожить этот перевалочный пункт и пути подхода к нему. В-третьих… А вот в-третьих пока не ясно, решать будем на месте.

– Как это сделать? Ганса скоро хватятся. Нас обнаружат очень быстро, гавань небольшая. Неизвестно, сколько у нас останется тогда времени.

– Он сказал, что «челноки», эти подлодки, каждый день уходят в Новую Швабию с грузами и людьми.

– Да-да, каждый день. Значит, мы должны сесть им на хвост и пойти туда. Там их база, значит, там наша цель. Здесь просто склады, и Аксенов их грохнет, если ударит всеми торпе-

дами из тоннеля. Пятнадцать минут хода – и вот она, грузовая площадка прямо напротив этой гавани. Нам необходимо вернуться и разработать новый план операции.

– Согласен, что делать с немцем?

– Возьмем Ганса с собой, передадим Аксенову. Этот немец много знает, пусть его на Большой земле наши еще попытают. По-трезвому-то, может, чего ценного расскажет. О входе в эту чертову гавань по воде, к примеру. А здесь, надеюсь, за сутки его не хватятся. Тем более он с транспортника, который, как он говорит, только пришел.

– Согласен. Выходим немедленно. Я на акустику, командир.

За три часа они, преодолев тоннель, ушли и всплыли в условленном месте. Аксенов еще на выходе из «норы» услышал их ход и присоединился.

– Ну что там? – Первый вопрос Аксенова был предсказуем.

– Там нечто, требующее немедленного изменения всего нашего плана. – Вангол был непривычно серьезен. – Подробнее потом, сейчас уходим вместе. Перед самым тоннелем, на той строне, немцы поставили гидромаяк, идем вместе через эту «нору», сначала проходим мы, вы ждете полчаса и идете по этому маяку. При скорости восемь узлов хода пятнадцать минут – и уходишь вправо на тридцать градусов, еще пятнадцать минут хода – и всплывай на перископ. Оттуда хорошо все видно, и для атаки место превосходное. Во время хода акустику не включать, только слушайте. Сергей, может быть, отдашь ему на этот случай Семенова, он уже прошел туда-сюда этот тоннель?

Лузгин согласно кивнул.

– Теперь дальше, – продолжал Вангол. – Там, в скалах, бухта и немецкая гавань. Как установлено – перевалочная база. У дальнего причала стоит специальная подводная лодка, которая должна уйти куда-то еще дальше, по словам немца, в Новую Швабию. Мы не знаем, где это, потому должны сесть ей на хвост и следовать за ней. Аксенов, наблюдай, как только немецкая подлодка с маленькой рубкой уйдет от самого левого от вас причала, значит, за ней уйдем мы. Выжди полчаса-час, торпедируй все, что там есть, и уходи назад той же дорогой. После чего, дорогой ты наш, прокладывай курс к родным берегам и возвращайся домой. Вся надежда на тебя. Дойдешь до наших – расскажешь, как все было. Вот тебе пакет, там совершенно секретная информация, только для Деда, протокол допроса пленного немецкого моряка. Передашь пакет и немца, которого мы тебе сейчас передадим, начальнику контрразведки штаба флота лично в руки. Ясно?

Аксенов машинально кивнул, лишь затем спросил:

– Какого еще немца?

– Обыкновенного фашиста, Ганса Литке, боцмана с немецкого транспортника. По просьбе Вангола он решил дальше советским подводником служить… – усмехаясь, ответил Лузгин.

– Теперь ясно, но как мне этого немца до своих довезти, его что, под охраной на лодке держать придется?

– Значит, придется. Решишь сам. Но имей в виду, он очень ценный военнопленный, желательно, чтобы он попал в нашу контрразведку живым.

– Будет исполнено, товарищ командир.

– Вот в целом такой план операции. – Вангол поднялся. – Детали обсуждать некогда, немецкая лодка может в любую минуту уйти, тогда придется ждать, а это опасно, поэтому прошу немедленно приступить к выполнению задачи.

Лузгин и Аксенов, выслушав Вангола, молча кивнули. На этом совещание было закончено. Еще через два часа лодка Лузгина вошла в тоннель и, пройдя его, ушла в то же место, где Вангол в прошлый раз десантировался на берег. Ждали вторую лодку.

Мучительно медленно текли минуты. Вангол и Лузгин в рубке оживленно обсуждали положение, в котором оказались.

– Как думаешь, пройдет Аксенов?

– Семенов хороший гидроакустик, проведет.

– Я тоже так думаю. По времени пора им показаться, но я их не слышу.

– Может, не сразу нашли сигнал маяка? Будем ждать.

– Слышу шум винтов справа по борту. Два кабельтовых. Судно, скорее всего, тральщик.

– Режим тишины в отсеках!

– Неужели нас засекли?

– Нет. Если бы запеленговали на подходе, нас бы уже встречали.

Тральщик медленно прошел мимо лодки, лежащей почти на грунте в сотне метров от него, и удалился за скалистый выступ.

– Впереди шум винтов нашей лодки, идет Аксенов, идет.

– Что будем делать, тральщик недалеко, в любой момент может вернуться.

– Придется рисковать. Аксенов о тральщике вообще не знает.

– Все, слышу его, идет в сторону своей позиции.

– Молодец, прошел-таки… Вангол, ты послушай внимательно, куда этот фашист делся…

– Не слышу его, ушел за береговую линию.

– Хорошо, значит, и он нас не слышит, всплываем на перископную.

Осмотревшись, поняли, что на базе ничего не изменилось. Никаких признаков тревоги. Шла разгрузка транспортного судна и погрузка каких-то грузов в лодку-челнок. Все делалось размеренно, с перерывами на отдых. Некоторая суета около лодки говорила о том, что скоро она будет готова к отплытию.

– Интересно, куда ее потащит буксир, вправо или влево? Если влево, то нам придется в этой узкой горловине каким-то образом развернуться. Вангол, надо сейчас встать так, чтобы потом не потерять время на маневре.

– Действуй, командир.

Маневрирование заняло минут двадцать, после чего они снова подвсплыли на перископную глубину и Лузгин буквально впился в прибор.

– Твою мать! Ее нет, Вангол.

– Как нет?! А в акватории бухты?

– Ее нет нигде. Не могли так быстро утащить лодку от причала! Нет ни буксиров, ни вообще никаких судов, гавань пустая, кроме тех двух лодок и транспортных судов!

– Мы ее упустили, Сергей.

– Вангол, она же не могла погрузиться у причала и задним ходом выходить?

– А может быть, ей и не надо было никуда выходить, а нужно было погрузиться и нырнуть в новую «нору»?

– Через двадцать – двадцать пять минут Аксенов может начать атаку, он же думает, что мы ушли за этой лодкой.

– Надо проверить то, о чем я говорил. Сергей, ныряем, включай гидроакустику и давай к причалу, где она стояла.

– Понял. Срочное погружение! Штурман, курс к причалу!

Лодка, набирая скорость и глубину, шла прямо к причалу, где совсем недавно стояла немецкая субмарина. Вангол буквально всматривался, напрягая свое внутреннее зрение в водные глубины, подмечая все, что отражало сигналы гидролокатора лодки. Он видел скальное, уходящее в глубину дно, обломки какого-то небольшого деревянного судна, очень слабо, но услышал шум винтов упущенной ими субмарины. Далеко и очень быстро она уходила прямо под материк.

– Командир! Слышу ее прямо по курсу, уходит, скорость высокая, по-моему, мы опять в какой-то «норе», но довольно узкой…

– Вангол, понял тебя, глубина тридцать пять метров, попробуем увеличить ход, веди…

Через тридцать минут преследования стало ясно, что догнать немецкую лодку не удастся, она, вероятно, имела скоростные преимущества. Но не это было главным. Ударная волна от взрывов торпед, выпущенных Аксеновым по немцам в гавани, догнала подводную лодку Лузгина. Этого никто предусмотреть не смог. Вангол потерял связь, он не слышал немецкую лодку, не ощущал ее уже несколько минут. Максимально активизировав свои способности, он вел корабль в узком тоннеле. Вдруг стенки тоннеля раздвинулись, он увидел огромную полость с множеством выходов, на мгновение ему показалось, что из одного из них слышен шум винтов, но гидравлический удар швырнул лодку вперед, и Вангол потерял картинку, а вместе с ней и сознание, сильно ударившись головой о переборку.

– Вангол, как ты? – очнувшись, услышал он голос Сизова.

– Что случилось?

– Не знаю, лодку сильно ударило чем-то в корму. Сильно, даже дизеля посрывало с фундаментов. Хорошо, что не загорелись, кое-где проводка в кабель-каналах разорвана, потому света нет и связь не работает.

– Как наши, экипаж?

– Наши все целы, побились маленько. В экипаже много убитых, есть раненые, но в целом команда жизнеспособна, прочный корпус остался невредим, течи устранили быстро.

– Кто погиб?

– Командир лодки Лузгин, замполит Поливахин, штурман Седов, еще девятнадцать человек. Старпом, капитан-лейтенант Сергей Шедлеров принял командование кораблем.

– Позови его.

На какое-то время Вангол снова погрузился в забытье, а когда очнулся, рядом с ним сидел капитан-лейтенант Шедлеров.

– Вангол, я знаю, что вы руководите всей операцией, Лузгин мне говорил об этом, поэтому ничего объяснять не надо.

– Что с лодкой?

– Находимся на глубине шестьдесят два метра, плавучесть стабильна, управляемость кораблем нулевая, восстанавливаем энергоснабжение, аккумуляторные батареи в обоих отсеках целы, дизеля, думаю, тоже, но требуется небольшой ремонт.

– Что случилось, как вы считаете? – Вангол попытался приподняться на койке.

– Думаю, мы получили гидроудар в корму. Насколько мне известно, Аксенов атаковал немцев, вот нам и прилетели отголоски. Мы же фактически шли в трубе. Еще повезло, что были уже далеко и удар был косвенным, то есть отраженным. В торпеде триста килограммов тротила, если бы прямая волна была, нас просто размазало бы здесь.

– Да, согласен, повезло. Лодка сможет двигаться?

– Да, через два-три часа, когда устраним поломки и запустим моторы.

– Что будем делать с погибшими?

– Захороним по морским обычаям при всплытии.

– Моя помощь нужна?

– Благодарю, справимся. К вам сейчас санитар придет, перевязка нужна. Рана на голове кровит…

– Пусть заходит. Когда связь будет?

– Уже наладили, видите, лампочка мигнула.

– Хорошо, идите, по готовности доложите, пойдем дальше.

На самом деле Вангол с трудом представлял, куда идти дальше. Последнее, что он помнил, – это огромная полость со множеством больших и малых тоннелей. Какой из них ведет к немцам? Теперь уже не важно, назад пути нет.

Через три с половиной часа лодка была готова к движению. Вангол, как гидроакустик, повел корабль в один из широких проемов, повел наугад, поскольку ничего другого не оставалось. Шли медленно, пять-шесть узлов, Вангол не мог видеть дальше, а тоннель плавно, но менял направления. Шли уже несколько часов, потом остановились. Вангол устал, сказывался сильный ушиб головы. Без его «глаз» лодка двигаться не могла. Ждали три часа, пока он спал, потом снова начали движение. Так продолжалось двое суток. Вангол понимал, что от него зависит сейчас все, но, когда картинка в его голове пропадала, он вынужден был отдыхать.

– Вангол, еще сутки хода – и у нас кончится заряд аккумуляторных батарей, с кислородом тоже проблема.

– Что вы предлагаете?

Шедлеров задумался.

– У немцев технические характеристики лодок примерно такие же, значит, мы скоро должны прийти к какому-то финишу. Нужно увеличить скорость, иначе мы не выйдем из тоннеля. Немцы шли значительно быстрее.

– Да, верно, я вас понял.

Когда в отсеках от духоты и нехватки кислорода люди стали терять сознание, Вангол стоял вахту по двенадцать часов. Максимально, что можно было сделать, делалось, лодка шла на последних ресурсах.

– Командир, сколько у нас еще времени?

– Максимум три часа, Вангол.

– Увеличить ход можем?

– Нет, посадим батареи через час.

Прошло еще немного времени, и в переговорном устройстве снова зазвучал голос Шедлерова:

– Вангол, это центральный, забортное давление падает, мы идем вверх. Глубина тридцать, двадцать пять, двадцать метров. Вангол, мы не трогаем рули и не используем балластные цистерны. Нас выносит из глубины сам тоннель. Это парадокс, но мы всплываем.

– Сергей Павлович, здесь все загадка и парадокс, не удивляйтесь. Как люди?

– Держатся из последних сил.

– Прошли, выходим из тоннеля, впереди чисто, командир.

– Глубина двадцать метров, выходим на перископ. Вангол, ждем в центральном.

Когда в отсеки хлынул свежий воздух из выдвижного воздухозаборника, никто не обратил внимания, что воздух был теплым. Только Вангол сразу почувствовал это. Он, не отрывая глаз от прибора, долго и внимательно осматривал все вокруг. Вангол не мог поверить своим глазам. Они всплыли в глубокой лагуне огромного озера, скалистые берега которого были покрыты густой зеленью.

– Будем всплывать, командир, насколько я вижу, здесь абсолютно безопасно.

– Есть. Всплываем, самый малый вперед. Дифферент на корму. Продуть носовые и средние цистерны главного балласта!

Сжатый воздух рванулся в легкий корпус корабля, освобождая его от воды. Лодка на самом малом ходу легко пошла вверх.

– За бортом плюс двадцать! Где мы, Вангол? Это Антарктида?

– Сергей, посмотри вверх, ты небо видишь?

– Нет, сплошной туман или облачность…

– Вот и я о том, это не облачность, скорее всего, туман, но он светится. Нечто подобное я уже видел в пещерах. Мы под ледовой поверхностью материка. Это и есть земля, которую

немцы нашли. Вот только где они на этой земле обосновались? Мы ошиблись тоннелем, назад водой пути у нас нет. Будем искать на суше. Распорядитесь вынести погибших, похороним на берегу в братской могиле.

Москва. Красков

Полковник Красков второй час сидел в приемной генерального комиссара госбезопасности СССР и ждал. Он был вызван срочно, но сидел уже столько времени и не знал, что и думать. Раньше таких случаев не было. Наконец секретарь кивнул ему:

– Входите, Лаврентий Павлович ждет вас.

Красков вошел. Берия ходил по кабинету, весь его вид говорил о том, что он сильно рассержен чем-то и к тому же сильно устал. Красные от бессонницы глаза, тяжелое дыхание. Увидев Краскова, кивнул ему, но не подал, как обычно, руки.

– Присаживайтесь, товарищ полковник. Пока еще полковник, товарищ, а может, уже и не товарищ Красков… – раздумчиво и вроде бы с тайной угрозой в голосе произнес Берия, вглядываясь в глаза Ивана Ивановича.

Красков стоял навытяжку, не смея сесть после таких слов. Кровь отхлынула от лица, он побелел, резче обозначились скулы.

– Что, неприятно слышать такое? Страшно? Может быть, обидно тебе такое слышать, а? А каково мне такое читать? Как вот это объяснить? Как? – Берия бросил на стол перед Красковым пакет. – Читай, и прямо сейчас ты мне объяснишь, что это означает. Иначе из этого кабинета тебя выведут, нет – вынесут!

Берия с подозрением осмотрелся в своем кабинете и добавил уже вполголоса:

– И сделаешь это письменно, понял?

– Так точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.